Александр Надысев

За землю российскую!

Александр Надысев

За землю российскую!

«Автор»

2026

Надысев А. В.

За землю российскую! / А. В. Надысев — «Автор», 2026

Новая книга Александра Надысева "За землю российскую!" написана о военных приключениях барского отпрыска из дворянской семьи, служившего в Польском уланском полку Российской армии. Это произведение, основанное на реальных исторических событиях и рассказывает о том, как этот отрок, Ксаверий Бискупский, оказавшийся в водовороте войны с Наполеоном в 1812 -м году, научился побеждать врагов у таких прославленных командиров летучих отрядов, как Фигнер, Сеславин, Давыдов и, в конце концов, ставший настоящим патриотом своей Родины, любимой России.

© Надысев А. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 46

Александр Надысев
За землю российскую!

Александр Надысев

За землю российскую!

1812 ГОДЪ

От автора

Начиная читать книгу «За землю российскую!», вы обнаружите в ней малоизвестные исторические подробности, описанные в письмах, дневниках российских и иностранных участников войны 1812-го года. Среди этих ценнейших источников я обнаружил рукописные записи капитана Испанского полка Рафаэля де Льянса, которые использовал в своём повествовании.

Когда же вы углубитесь в чтение этой книги, то у вас возникнут сомнения в концепции «дубины народной войны», изложенной Львом Толстым в романе «Война и мир», где он создал яркий образ «народного партизана» Тихона Щербатова, обыкновенного душегуба, стихийного и жестокого, но необходимого для победы над врагом. И эта концепция, чрезвычайно привлекательная, стала неотъемлемой частью нашей исторической мифологии, а мифы, такие как «дубина народной войны», «народный партизан» своими корнями проникли в нашу историческую литературу.

Поверьте, все ваши сомнения рассеются, когда вы дочитаете эту книгу, в которой я правдиво отобразил войну с Наполеоном, используя материалы из произведения «Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812-го года». Автор этого произведения, Николай Петрович Поликарпов, является выдающимся военным историком и архивистом, полковником русской императорской армии и управляющим Московским отделением Общего архива Главного штаба. В 1910-м году Поликарпов представил документы-первоисточники, которые поставили под сомнение ряд устоявшихся легенд о войне 1812-го года, что вызвало гнев официальных историков и патриотически настроенных слоёв российского общества. Опираясь на архивные материалы, Поликарпов убедительно доказал, что легенда о победе русской армии в Бородинском сражении, и её «поворотном» значении в войне, является результатом чрезмерного патриотизма историков и не соответствует реальным фактам. Анализ же архивных документов позволяет сделать вывод, что переломным моментом войны стала не битва при Бородино, а последующее Тарутинское сражение. Все историки традиционно считали, что Кутузов является основателем партизанского движения, однако Поликарпов усомнился и представил архивные документы, которые свидетельствуют о том, что первый партизанский отряд был сформирован по инициативе Барклая-де-Толли. Также основательно изучив архивные источники, Поликарпов подсчитал, что за первые 89 дней войны произошло не менее 200 «мелких» боевых столкновений, включающих перестрелки, стычки, кавалерийские дела, схватки, рекогносцировки, поиски и налёты. За этот период русские войска провели более 40-ка арьергардных и авангардных боёв, не менее 13-ти крупных боёв и штурмов, а также, не менее 30-ти значимых сражений. В архивах сохранились «неудобные» рапорты о том, что в западных губерниях население с радостью встретило армию Наполеона, и это правда, ведь польские, литовские и белорусские крестьяне неохотно предоставляли фураж и продовольствие русским солдатам. Шляхта, как литовская, так и польская, вообще открыто поддержала Наполеона, и даже в подмосковной Рузе значительная часть жителей приветствовала Наполеона как освободителя. А теперь о крестьянах … В исторических источниках нет упоминаний о том, что крестьяне часто нападали на обозы русской армии. Однако Поликарпов показал, что в архивах сохранилось множество рапортов о таких нападениях, которые происходили не только в окрестностях польских и белорусских деревень, но и в самой России. Крестьяне, пользуясь безвластием, грабили и поджигали усадьбы своих помещиков, видя в этом возможность безнаказанно завладеть казённым имуществом.

А вот генерал от инфантерии Павел Плеве, командующий войсками Московского военного округа, после прочтения «Боевого календаря-ежедневника Отечественной войны 1812-го года», выразил своё неудовольствие:

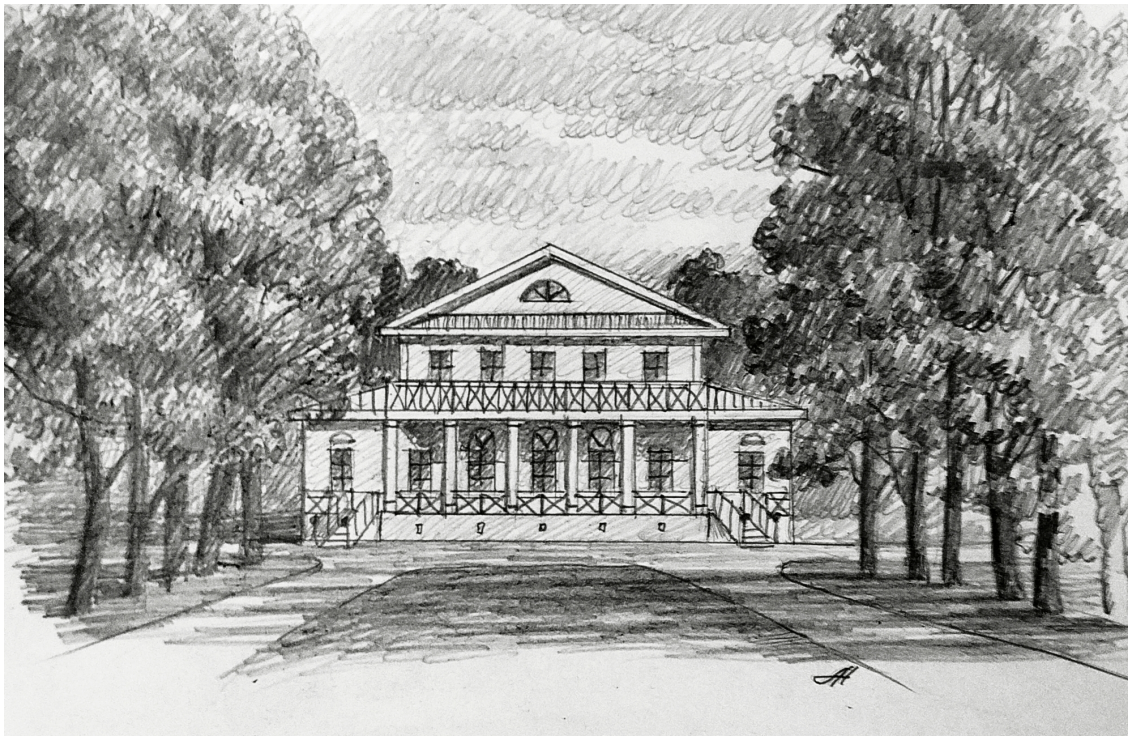
« ... Какой-то там полковник хочет разрушить устоявшийся уже в течение почти ста лет общий взгляд на Отечественную войну 1812-го года и на отдельные её события, как у русских военных историков, так и у иностранных писателей…».

Но справедливость восторжествовала! Полковник-архивист Поликарпов, получивший строгий выговор, не только не был снят с должности, но даже награждён орденом Святой Анны II степени. Когда же Поликарпов скончался, то его уникальный «Боевой календарь-ежедневник», выпущенный в 1913-м году, более не переиздавался, и был забыт, но не забыли потомки. Так и получился военно-приключенческий роман «За землю российскую!», основанный на исторических документах и архивных материалах, правдиво изображающих события тех времён, в центре которого фигурирует дворянский недоросль Ксаверий Бискупский. И вот этот отрок, вдохновлённый примерами знаменитых командиров партизанских «летучих» отрядов Фигнера, Сеславина, Давыдова и своих товарищей, он стал настоящим патриотом России. Замечу, что все персонажи книги реальные исторические фигуры, чьи личные качества и боевые действия, так или иначе, ускорили изгнание французов из страны, а их самоотверженность, патриотизм и стремление защитить Родину сыграли немаловажную роль в победе над Наполеоном.

Мой низкий поклон героям Отечественной войны 1812-го года!

Ваш Александр Надысев.

Часть первая. Начало пути



Дом Бискупских в селе Подолянка

Глава 1. Зачисление в полк

Наступил 1803-й год. Село Подолянка[1] Богодуховского уезда Харьковской губернии пока ещё дремало, но не спалось юному барчуку Ксаверию, ведь его зачислили в Конно-Польский полк. Он ворочался в постели и с нетерпением ждал:

– Когда же, когда в армию?

И дождался. С самого раннего утра в господском доме засновали слуги в поисках нужных вещей для барского отпрыска. Это расстроенная мать юного Ксаверия собирала сына в армию. Она поглядывала на сурового мужа и искала причину, как бы отложить разлуку с любимым сыночком:

– Андрюш, может, попозже пошлёшь сыночка в армию? Пусть подрастёт хоть немного? А?

– Цыц! Не выдумывай, – вскипел муж, – мой сын Ксаверий, отрок[2] 8-ми лет, зачислен в полк для начала отчёта выслуги, и пусть служит по-настоящему по мере взросления.

Увидев заплаканное лицо жены, он рассвирепел:

– Что? Перестань реветь!

Тихо явился сын со слугой.

– Собрался? Хорошо! – похвалил отец и стал наставлять сына. – Служи честно и с гордостью неси имя дворянского рода Бискупских! Вот тебе рекомендательное письмо. Иди с Богом!

– Стой, – послышался окрик отца. – Семён, следи за отроком и докладывай каждую неделю! Понял? А не то шкуру спущу!

Предприимчивый Семён, ранее служивший в полку, договорился с ямщиком о цели поездки, и Ксаверий быстро залез в кибитку. Ямщик гикнул и кибитка, запряженная тройкой резвых лошадей, устремилась навстречу судьбе. «Коренник» сразу пошёл крупной рысью, а пристяжные лошади так помчались галопом, что кучер, руководя вожжами, еле справлялся с управлением удалой тройки. Довольный Семён сидел на облучке с ямщиком, крутил свои усы и приговаривал: «Эх, ну до чего же лихая русская тройка - разноаллюрная запряжка, и только ветер свистит в ушах!». А Ксаверий с любопытством разглядывал мелькающие виды родимых мест, но все его мысли уже были далеко впереди …. «Скорей, скорей бы в полк!» – мечтал он.

Вскоре Семён «по старой памяти» привёз Ксаверия в воинскую часть Конно-Польского полка, а дежурный офицер, увидев пакет с надписью *«Полковнику Жигулину»,* сразу отвёл отрока к командиру полка.

– Явился? – вперил свой свирепый взгляд полковник. – Что скис отрок? Сказывай, кто такой!

Отрок весь напрягся, но не оробел, и звонким голосом представился:

– Ксаверий Бискупский явился на службу.

– Ну вот, другое дело!

Полковник вызвал своего денщика и велел:

– Бискупского поставить на довольствие и отвести в мой дом.

– Слушаюсь, Ваше высокоблагородие.

Так началась служба. Отрок Ксаверий завидовал уланам, которые постоянно были на манёврах, и он пока слонялся по военному лагерю без дела, а длинными вечерами с ним лично занимался полковник. Однако, притомившись, он приставил к отроку ротмистра Мелеха и тот занялся его боевой подготовкой. Перво-наперво тот решил учить отрока верховой езде и владению пикой, но пока деревянной и, не откладывая это в долгий ящик, велел Семёну:

– Приведи лошадь.

Когда Семён подвёл к смущённому Ксаверию лошадь, то стал успокаивать его:

---

[1] Подолянка – ныне Романовка.

[2] Отрок – в XIX веке слово «отрок» обозначало мальчика в возрасте от 7 до 14 лет. Считалось, что с 7 лет ребёнок начинает осознавать нравственные нормы и нести ответственность за поступки. С 7 лет мальчиков начинали обучать грамоте, ремеслу или военной службе (если семья дворянская).

– Не боись, ты ведь ездил на лошади, правда, без седла …

– Это мы живо поправим, – рассмеялся Мелех. – Сейчас покажу тебе отрок конскую амуницию, запоминай и осваивай!

Ксаверий не боялся лошадей, а тут ему пришлось осваивать необычную экипировку … Тем временем, суровый Мелех уже назидательно объяснял:

– Вот конская амуниция. Смотри, отрок, это седло «венгерское» опирается на две деревянные полки с изогнутыми луками. Вот ленчик из берёзы, обитый металлическими полосками, а это вальтрап, это такая суконная накидка с закруглёнными углами, служит для защиты спины лошади. Понял?

Мелех схватился за уздечку и продолжил:

– Это оголовье с мундштуком и с поводьями для управления. Видишь, широкие ремни для фиксации седла на спине лошади, это подпруги. Теперь стремена, они из воронёного железа и крепятся к седлу путлищами, но тебе не подойдут, мал ещё!

– Я ему заказал укороченные..., – встрял Семён, – ведь скоро на коня!

– Не перебивай! – вскипел Мелех. – Ещё дополнительные ремни нагрудные и подхвостные пахвы для дополнительной фиксации седла.

– Что это?

– Путлища, это такие ремни, соединяющие стремена с седлом. Понял? Повтори.

Ксаверий всё схватывал на лету и с этим тоже справился.

– Молодец! – похвалил его Мелех и ухмыльнулся. – А раз так, неси стремена, Семён, пригодятся!

– А то не знаю, что и когда, – проворчал Семён. – Мы с детства конники!

Глава 2. Корнет

1805-й год. Два года службы в Конно-Польском полку быстро прошли, а Ксаверий Бискупский возмужал и уже неплохо держался в седле. Наконец, настал день, когда этот отрок, величаво красовался на гнедом коне в своём новом мундире корнета. Его наставник Мелех, с удовольствием разглядывая своего питомца, поучал:

– Ксаверий, ты теперь корнет, а это уже младший офицер, отвечающий за взвод и знамя эскадрона, и потому на тебе этот достойный мундир. Смотрю и радуюсь, всё как положено: куртка тёмно-синего сукна двубортная с лацканами, с малиновым воротником в цвете польского полка. А эполеты - серебряные, обшитые галунами и двойным рядом витого жгута. Панталоны тоже, что надо - длинные, тёмно-синие с лампасами. На малиновом поясе, как положено, красуется сабля уланского образца, при тебе два пистолета и пика с матерчатым флюгером. Мне всегда нравилась строевая шапка корнета. Красота! Она с околышем, с трапециевидным верхом, а с левой стороны вставлен султан из ниспадающих петушиных белых перьев с чёрно-оранжевым низом. А? Каково!

Бискупский смутился, а Мелех потешался над ним:

– Что Ксаверий, боишься испачкаться в бою?

– Как же воевать в таком мундире? – опять смутился новоиспеченный корнет.

Мелех лишь рассмеялся:

– Наденешь рейтузы поверх сапог и вперёд на врага!

Теперь корнет Бискупский, командуя взводом улан, участвовал в полевых учениях, в которых всегда носил штандарт эскадрона. Ксаверия интересовало всё, что делается в полку, когда походы и смотры, но его мучил один вопрос - когда на свет появился такой замечательный полк? И теперь, обратившись к всезнающему Мелеху, он с Семёном с удовольствием слушал:

– Полк был сформирован в 1797 году по решению императора Павла I, который рассчитывал обеспечить лояльность польских областей, включённых в состав Российской импе-

рии после раздела Польши. Этот полк комплектовался из вольноопределяющихся поляков - «вербунков». Шляхта составляла первую шеренгу, и каждый наёмный солдат из шляхтичей назывался «товарищем». Вторая же шеренга состояла из вольноопределяющихся «вербунков», не доказавших своего шляхетского происхождения, и называвшихся «шеренговыми». Унтер-офицеры из «товарищей» назывались «наместниками» и производились по вакансии в офицеры. Форма одежды полка напоминала мундир польской кавалерии последнего короля Польши Станислава Августа, а все команды подавались на польском языке. Командиром Польского конного полка был назначен полковник Ксаверий Домбровский, а потом полковник Бекарюков Захарий Иванович. Ну, это тебе необязательно знать… В 1805 году в полку было введено обмундирование по образцу других конных полков русской армии, но мундиры почти не изменились. Сейчас мы готовимся в составе Четвёртой коалиции к военному походу.

– Куда?

– Это не наше дело, но знаю, пойдём бить француза!

– Мне бы саблю и пистолет, – тихо попросил Ксаверий.

– Не положено, пока не обучу тебя военному делу, – резко одёрнул его Мелех. – Вон, пикой своей коли на скаку, а может скоро, и саблю получишь!

Но когда полковник Жигулин узнал об этой несправедливости, то тут же велел выдать корнету Бискупскому оружие, а Мелих лишь проворчал:

– Балует отрока полковник, балует!

Семён же тайно от Мелеха учил Ксаверия обращаться с оружием. Особенно его ученику нравилось вращать саблей и рубить с коня, а с пистолетом была беда, пока мазал... Так что Ксаверий был давно готов к обучению, а Мелих, получив нагоняй от начальства, теперь гонял отрока и в хвост и гриву, и наставлял его:

– Пика это основное оружие улана. Древко пики бывает больше 3-х аршин, а наконечник усиливается двумя длинными лангетами, которые прикрепляются к древку. Пика вставляется в бушмат - кожаную петлю у правого стремени. В середине древка пришивается ремень для руки, а в наконечник заливают свинец, чтобы центр тяжести пики с флюгером был посередине. Понял? Пробуй в руке! Что не нравиться? Ничего, привыкнешь!

– Теперь сабля, – хохотнул Мелех. – Это дополнительное оружие и используется, после броска пикой. Вот тебе сабля, владей!

– А это тебе кремневый пистолет, – подмигнул он Семёну. – Тренируй навыки стрельбы в движении. На, пользуй! Позже будем изучать атакующие манёвры и фланговые удары, а так же отрабатывать навыки применения пики, сабли и пистолета в бою.

– Так много, да я не запомню!

– Запомнишь, иначе подведёшь товарища по строю. И помни слова Суворова: «Тяжело в учении, легко в бою!»

Неожиданно примчался вестовой и закричал:

– Построиться на плацу. Скоро в поход!

Уже на следующий день Конно-Польский полк двинулся в поход.

– Куды идём и на кого? – галдели уланы.

– Куды, куды, похоже в Польшу бить Наполеона.

Глава 3. Аустерлицкое сражение

В ноябрьские дни 1805-го года по старому стилю недалеко от деревни Аустерлиц встретились противоборствующие армии. Против армии Наполеона I стояли армии австрийского императора Франца II и русского императора Александра I под общим командованием генерала от инфантерии Кутузова. 19 ноября в деревне Крженовиц состоялся военный совет, на котором Кутузов выступал за осторожную тактику. Но к армиям неожиданно прибыли

оба императора - русский Александр I и австрийский Франц II. После небольших успехов в стычках с французскими разъездами Александр поверил, что противник ослаб и теперь он жаждал наступления и славы. В итоге план Кутузова дружно отвергли и приняли диспозицию австрийского генерала Вейротера, который предусматривал решительное наступление, а именно: обойти французов с юга, отрезать им путь к отступлению на Вену и уничтожить.

Аустерлицкое сражение[3], как известно, произошло 20 ноября 1805 года по старому стилю близ Аустерлица[4]. По плану Вейротера, утверждённого Александром I, основные силы под командованием генерала от инфантерии Буксгевдена двинулись в обход - на правый фланг французов, чтобы отрезать противнику путь к Вене. Одновременно четвёртая колонна, при которой находились Кутузов и император, оставалась на Праценских высотах — ключевой позиции. Эта высота господствовала над всей местностью и прикрывала тыл остальных сил. Александр стал проявлять нетерпение, считая, что нужно действовать решительнее. Он подъехал к Кутузову и раздражённо спросил:

– Михайло Ларионыч, почему не идёте вперёд?

Кутузов сдержанно ответил:

– Я поджидаю, чтобы все войска колонны собрались.

И увидев удивление императора, добавил:

– Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицынском лугу… Впрочем, если прикажете…!

Александр I воспринял слова Кутузова как нерешительность и отдал прямой приказ спускаться с высот.

Наполеон, заранее осведомлённый о планах союзников, сосредоточил основные силы на направлении главного удара и приказал атаковать. И утром французский корпус маршала Сульта атаковал Праценские высоты – самую ключевую позицию 4-й колонны союзных войск, которой командовал австрийский фельдцейхмейстр Коловрат совместно с русским генерал-лейтенантом Милорадовичем, да так удачно, что защищавшие эти высоты войска, понеся потери, отступили. Попытка русской гвардии и колонны фельдмаршала-лейтенанта Лихтенштейна остановить французские корпуса маршалов Бернадота и Мюрата тоже не имела успеха. Так к 11 часам Праценские высоты оказались у французов. Развернув на них 42 орудия, солдаты двух корпусов маршалов Сульта и Бернадота обстреляли тыл и фланги отходящих русских колонн. Затем французские войска перешли в наступление, и русско-австрийские войска, не выдержав такого натиска, начали спешный отход по всему фронту.

Император Александр I, увидев поспешное отступление союзных войск, был так потрясён и подавлен, что не знал, что предпринять. Приближённые, обступив императора, убедили его в том, что ему нельзя рисковать жизнью, и под охраной увезли с поля боя.

Конно-польский полк улан, действуя в составе кавалерийских сил русской армии, прикрывал отступление и участвовал в немногих контратаках на флангах. Корнет Бискупский, бесстрашно выполняя штабные приказы командира полка, не понимал:

– Почему все отступают?

И, улыбаясь, говорил себе:

– Чем горячее, тем лучше для меня!

А тем временем, в ходе этого сражения французская армия охватывала союзные войска с флангов. Когда центр союзной русско-австрийской армии был разгромлен, то русская кавалерия, включая уланские полки, вновь стала прикрывать отход русских пехотных частей. Корнет Бискупский тоже участвовал в сложных конных манёврах, и даже принимал участие со своим подразделением в небольших контратаках, пытаясь замедлить продвижение врага. После чего

[3] Аустерлицкое сражение - «битва трёх императоров»

[4] Аустерлиц – ныне Славков-у-Брна в Чехии

этому славному полку, потерявшему много улан, было приказано отбыть в резерв. Бискупский переживал:

– Видите, ситуация на поле боя складывается уже не в пользу союзников.

– Так командуй! – кричали уланы.

– Быстрее бы в атаку! – нервничал Бискупский, похлопывая своего коня, – а то стоим тут в резерве без всякого дела.

– А что, давай вдарим! – послышалось в рядах улан.

Командир полка, услышав такое, приказал:

– Стоять! Я тебе говорю, Бискупский, стоять! Разговоры прекратить!

И вдруг закричал:

– Отходим, братцы!

Так Конно-польский полк, теряя своих улан, с другими частями прикрывал отступление союзных войск, которые с большим трудом уводил от полного поражения главнокомандующий Кутузов. Он вместе со штабом отступал и в душе ругался: «Чёрт бы побрал этого императора! Мой вынужденный приказ спуститься с высот привёл к критической бреши в обороне союзных войск и победе Наполеона»!

Таким образом, решающее сражение Войны третьей коалиции закончилось разгромом союзных русско-австрийских войск и победой французской армии под командованием Наполеона I. Проигранное Аустерлицкое сражение стало для корнета Бискупского первым крупным боевым опытом, после которого он продолжил службу в полку и участвовал в дальнейших кампаниях.

Глава 4. Сражение при Пултуске

После разгрома прусской армии в Йена-Ауэрштедтском сражении, французский император Наполеон I вторгся в Польшу и легко занял Варшаву. 11 декабря 1806-го года русская армия по приказу главнокомандующего генерала-фельдмаршала графа Каменского разделилась на три части и теперь маневрировала с целью атаковать и разгромить по частям французскую армию. Все эти манёвры происходили очень медленно и при отвратительной погоде. Не переставая, шёл противный снег с дождём, из-за чего дороги превратились в болотистое месиво. Но, несмотря на это, корпус генерала от кавалерии Беннигсена, численностью около 40-ка тысяч человек, при 200-х орудий, после нескольких путанных и тяжелейших манёвров занял позиции у городка Пултуск на правом берегу реки Нарев. При полной неразберихе Наполеону доложили, что основные силы русских находятся в районе Голымина, и он спешно направил туда свои главные силы, а на Пултуск отправил корпус маршала Ланна, численностью около 20-и тысяч человек при 120-и орудиях, с целью захватить переправы и выйти в тыл русской армии. Придумал Наполеон, конечно, хорошо, но случилось не так, как ему хотелось.

Уже на следующий день битва за Пултуск началась. Утром первыми начали атаку нахальные французы, не подозревая о двукратном превосходстве противника. Поэтому в начале русские войска под руководством Барклая-де-Толли и Багговута успешно отразили несколько атак французов в центре и на флангах. Но в ходе этого сражения упорные французы всё же сумели захватить позиции и орудийные батареи русских, и почивали на лаврах. Но русские войска умело контратаковали и вернули свои потерянные позиции. К концу дня Беннигсен подтянул свои основные силы и перешёл в наступление. Французы, завидев конницу русских, дрогнули и в панике побежали, а за ними погнались уланы Конно-Польского пока. Они своими пиками пронзали бежавших французов, а лишившись пик, саблями добивали противника. Корнет Бискупский, будучи ординарцем при штабе полка, смело носился на своей низкорослой лошадке и передавал приказы полковника Жигулина эскадронным командирам. Он сновал между уланами туда-сюда и кричал:

– Французы драпают! Так их, так!

После затихшего боя Бискупский с важностью сопровождал офицеров при объезде позиций и, выяснив направление возможных атак противника, вновь скакал к полковнику с донесением. А его дядька Семён следил за ним и вздыхал:

– Только бы не ушибся барчонок!

С наступлением темноты французам пришлось отступить на исходные позиции, при этом потери русских были около 3,5 тысяч человек, а противник по сведениям пленных потерял около 2,2 тысяч солдат и 700 пленных.

В результате обе стороны громко заявили о своей победе, но стратегически сражение было успехом для русских потому, что план Наполеона отрезать русскую армию от переправ и выйти в тыл был сорван. Ночью Беннигсен получил известие о прибытии новых сил французов из селения Голымина и приказал отступить к городку Остроленке, опасаясь окружения. Полковник Жигулин был крайне раздражён тем, что армия отступила, и срывал своё возмущение на своих уланах. Он придирался к ним по мелочам, но, к счастью, его вызвали в штаб. Вот оттуда он прибыл довольный, и теперь полный деятельности вновь заставил своих улан привести себя в должный вид и готовиться.

– Куды, теперя? – переглядывались они.

– Куды направят, туды и двинемся!

Корнет Бискупский был счастлив, ведь его нахваливал сам командир полка Жигулин, и был горд от того, что был посвящён в военную тайну.

– Полк пойдёт в Пруссию к непонятному городу Гуттштадту – посвятил Ксаверий своего дядьку Семёна, – и смотри не проговорись.

Семён поохал, поохал и умудрился написать донесение отцу корнета, сообщив об первых успехах своего любимца, но отослать пока было невозможно.

Глава 5. Битва при Прейсиш-Эйлау

В январе 1807-го года маршал Ней без приказа Наполеона самовольно покинул зимние квартиры в Нойденбурге и велел войскам идти на Гуттштадт- Гейльсберг, а это недалеко от Кёнингсберга, главного города Восточной Пруссии. Командующий русской армией генерал от кавалерии Беннигсен забеспокоился и решил, что французы пошли на Кёнигсберг, где находились главные склады союзнической армии. Поэтому приказал русской армии немедленно сняться с зимних квартир, идти на Гейльсберг, и сходу атаковать 1-й армейский французский корпус маршала Бернадота, местонахождение которого выдал пленный офицер. А вот у Варшавы, Беннингсен на всякий случай оставил 20-ти тысячный русский корпус генерал-лейтенанта Эссена, прикрытый на правом фланге прусским корпусом Лестока. Французы не выдержали этой массированной атаки Бернадота, и отошли к замку Остероде. Наполеон негодовал и хотел наказать Нея за самовольство, но одумался и изменил своё решение. Он придумал, как совершить обходной манёвр, и тем самым окружить и разгромить русскую армию. Этот план был разработан под большим секретом, но русские казаки перехватили курьера, и секреты Наполеона стали известны Беннигсену и тот велел своим войскам отступить.

Тем временем французские войска маршалов Мюрата и Сульта заняли Алленшайн и двинулись на Гуттштадт, чтобы отрезать русским отступление. Получив приказ атаковать, маршал Сульт ударил по лагерю русских, но тот оказался пуст.

– Как это русский лагерь пуст? – удивился Наполеон, и, поняв, что его план стал известен русским, велел наступать тремя колоннами на русские позиции Прейсиш-Эйлау и безостановочно преследовать прусский корпус Лестока.

26 января по старому стилю, арьергард русской армии под командованием генерал-лейтенанта князя Багратиона и генерал-майора Барклая-де-Толли встал в Цигельхофе на пути

наступающим корпусам Мюрата и Сульта и схватился с французами. Это обеспечило главным силам русской армии возможность занять удобную позицию на высотах севернее Прейсиш-Эйлау[5]. Наполеон, не имея достаточных сил, велел пока не вступать в бой с русской армией и, кажется, что-то задумывал… Но удалые уланы Конно-польского полка сумели перехватить курьера, и поручили корнету Бискупскому доставить его в штаб полка. Тот лихо справился с этим, и полковник Жигулин, щурясь, стал читать письмо Наполеона, адресованное Ожеро:

«Мне советовали взять Эйлау сегодня вечером, но, помимо того, что я не люблю этих ночных сражений, я не хочу двигать свой центр слишком далеко вперёд до прибытия Даву, который является моим правым флангом, и Нея — моего левого фланга. Так что я буду ждать их до завтра на этом плато, представляющим при наличии артиллерии прекрасную позицию для нашей пехоты. Завтра, когда Ней и Даву встанут в линию, мы все вместе пойдём на врага».

– Что ж, идите французики, идите! – рассмеялся полковник Жигулин, дочитав письмо. – А мы вас встретим и попотчуем русским свинцом!

Потом он посмотрел на корнета и по-отечески похвалил:

– А ты молодец, хвалю!

И полковник приказал штабному офицеру:

– Скачи к Беннегсену с этим письмом, пусть озаботится и возвращайся.

– А я? Почему не я? – вскричал корнет Бискупский.

– К тебе будут другие поручения … – заулыбался полковник. – Но если очень хочешь, тогда скачи в штаб к Бенненгсену, и не задерживайся!

В штабе русской армии все были на взводе, кругом слышалась то французская, то немецкая речь. Бискупский растерялся, не зная, что делать, как сыскать кого-нибудь из штаба. И тут среди снующих курьеров, он увидел, как какой-то офицер машет ему рукой. Бискупский тронул своего коня и приблизился к нему, а офицер приказал:

– Представьтесь!

– Корнет Конно-польского полка Бискупский, – отрапортовал гонец.

– Я штабс-капитан Бенкендорф и состою при дежурном генерале Толстом. Вы с письмом? От кого? Давайте, я доложу графу Толстому.

– Кто это?

– Граф Толстой личный представитель императора Александра I при штабе командующего русской армией Беннигсена. – сообщил ему Бенкендорф. – Теперь успокоились? Давайте письмо!

Бискупский как-то засуетился.

– Что не так? – удивился Бенкедорф, получив письмо.

– Нет, всё так, – смутился Бискупский.

– Тогда свободен!

И корнет Бискупский помчался в полк, а мысли не покидали его: «Как мне понравился штабс-капитан, и как же я хочу быть похожим на него!»

Прибыв в полк, Бискупский доложил Жигулину:

– Письмо доставлено в штаб.

– Кто получил?

– Штабс-капитан Бенкендорф.

– Знаю, – ухмыльнулся Жигулин, – храбрый офицер!

На рассвете 27 января по старому стилю французский корпус маршала Сульта предпринял отвлекающий удар против войск правого крыла русской армии. А около 10-и часов утра французский корпус Ожеро атаковал центр русской армии, но получил «по зубам», и с боль-

[5] Прейсиш-Эйлау – ныне Багратионовск Калининградской области России.

шими потерями был отброшен на исходные позиции. Лишь ввод в сражение кавалерии Мюрата и императорской гвардии спас французов от полного разгрома. После этого Наполеон взбесился и велел Даву забрать две драгунские дивизии из корпуса Ожеро и атаковать русских. Даву был более удачлив и, потеснив левое крыло русской армии, сходу захватил Ауклаппен. В этот критический момент начальник артиллерии правого фланга русской армии Кутайсов перебросил три конноартиллерийские роты, а это 36 орудий, и картечным огнём накрыл французов. Сразу после этого в атаку помчались русские драгуны, которых по приказу графа Толстого, повёл штабс-капитан Бенкендорф, а вместе с ними, двинулись в атаку уланы Конно-польского полка. Они были, как на подбор: все в строевых шапках с султанами, в куртках с открытыми лацканами, в панталонах, в сапогах и с пиками с развёрнутыми флюгерами. Впереди улан с длинной пикой наперевес летел на коне командир полка Жигулин и кричал:

– Вперёд!

Но случайная французская пуля свалила храбреца под копыта лошадей, и он лишь успел крикнуть:

– Отомстите за меня, братцы!

Уланы первой линии атаки так озверели, что, ворвавшись в ряды неприятеля, кололи их своими страшными пиками. Раненные французы стонали под копытами русских улан, но не сдавались. А рядом с ними уже орудовали своими быстрыми клинками русские драгуны, они сбились в кучу и отбивались от отчаянных французов. Штабс-капитан Бенкендорф рубил своей саблей направо налево и не усмотрел, как сбоку на него неслись трое французских драгун. Когда он оглянулся и увидел нападение, то понял, что погиб. А в это время летели на врага уланы второй линии Конно-польского полка, и вперёд всех вырвался корнет Бискупский. Он сходу проткнул пикой французского драгуна, который уже замахнулся на Бенкендорфа. Двое других оторопели, и один из них был сразу задавлен конём Бискупского. Оба всадника, столкнувшись, скатились на землю и, встав на ноги, стали биться на саблях. Корнет Бискупский, хромая, отступал от неприятеля и уже прощался с жизнью. В это время, покончив со своим драгуном, Бенкендорф повернул своего коня на другого… Тот, вращая свой страшной саблей, уже шёл на Бискупского и ничего более не видел … Бенкендорф не растерялся и саблей снёс ему полголовы, и кровь врага брызнула на корнета.

– Благодарю вас! – прохрипел Бискупский.

– Вы же меня спасли, – ответил Бенкедорф, – и теперь я ваш должник!

– А вы меня! – скривился от боли корнет.

– Смотрите, французы отступили на свои позиции, – вскричал радостный Бенкендорф. – Победа!

На этом наступление французов, начавшееся в дыму и грохоте орудий, заглохло, и воцарилась тишина, в которой слышались лишь только храп павших лошадей и стоны раненных.

Бенкедорф огляделся и, увидев своих возвращавшихся драгун, крикнул Бискупскому:

– Садитесь, корнет, сзади, прокатимся.

Так Бискупский вновь оказался в штабе армии, и ждал он недолго. Вскоре, примчался Бенкендорф и радостно сообщил:

– Граф Толстой представляет меня и Жигулина к орденам, а вам личная похвала! Вот вам приказ Толстого. Передайте, что Конно-польский полк заслужил знамя «За храбрость!»

Они немного поговорили, ещё раз вспомнили атаку, и корнет Бискупский отбыл в расположение своего полка. Прибыв в штаб с радостным известием о получении знамени «За храбрость!», Бискупский осёкся, узнав о гибели своего покровителя Жигулина. Он выбежав из штабной палатки, уткнулся в гриву своего коня и разревелся.

– Как же так? – всхлипывал он. – Лучше бы меня убили …

Уже в наступающих сумерках русские войска совместно с прибывшим прусским корпусом Лестока контратакой отбросили корпус Даву к Клейн-Заусгартену и успокоились. Ночью

Беннигсен, извещённый о тяжёлом положении в армии, начал отвод своих войск. Французы, тоже находившиеся не в лучшем положении, даже не пытались преследовать русских. Потери с обеих сторон были столь велики, что лучше о них не упоминать.

В Прейсиш-Эйлауском сражении, несмотря, на отвод своих войск, Беннингсен добился стратегического успеха. Результатом этого сражения стал русско-прусский договор от 25 августа 1807 года, который обязал союзников не вести переговоров с Наполеоном до момента вытеснения французских войск за реку Рейн.

Наполеон, конечно, объявил себя победителем, так как Беннигсен отступил после битвы, а противоборствующие армии были так сильно обескровлены, что обе нуждались в длительном восстановлении. Им понадобилось более трёх месяцев, чтобы прийти в себя, так что активные боевые действия прекратились.

А между тем петербургские газеты писали:

«Надъ мызой Ауклапенъ завязался новый бой: на высоты надъ мызой пріѣхалъ Беніігсенъ и стоялъ здѣсь подъ сильнымъ отвѣтнымъ огнемъ артиллеріи французовъ; сюда же на батарею собрались и начальствующія лица; и здѣсь же, въ связи съ подходомъ Лестока, родились надежды на счастливый исходъ сраженія. Вѣроятно около этого времени, замѣтивъ отступленіе французовъ изъ Ауклапена, лихой Конно-Польскій полкъ атаковалъ ихъ движеніемъ внизъ и разсѣялъ, лишившись своего храбраго командира—полковника Жигулина».

А что же штабс-капитан Бенкендорф? Газетчики отметили и этого героя:

«За отличие в бою при Прейсиш-Эулау штабс-капитан Бенкендорф был произведён в чин капитана 13 февраля 1807 года и награждён орденом Святой Анны 2-й степени. Через две недели, 2 марта 1807 года, он получил звание полковника».

***

Далее Конно-польский полк участвовал в кампании 1807 года, в сражениях с французами при Гутштадте, Гейльсберге и во многих других мелких стычках. А среди улан пронеслись слухи:

– Наполеон идёт в Нижнюю Саксонию.

– Значит, будут бои и не малые! Идём туды, бить француза!

А тем временем 12-тилетний корнет Бискупский мужал и за свою храбрость получал заслуженные чины. Теперь его больной отец, получив донесение от Семёна, радовался за сына, ведь Ксаверий получил чин ротмистра.

– Я горжусь тобой, сын мой! – воскликнул он и откинулся на подушки. – Теперь мой сын будет командовать эскадроном!

Глава 6. Тильзитский мир

Никто не знал, что в начале июня 1807-го года войска французского императора Наполеона I неожиданно нападут на русскую армию, хотя многие в войсках беспокоились:

– Чего это, затих Наполеон, неужто задумал что-то?

– Не дури, всё спокойно!

– Поживём, увидим.

Ротмистр Ксаверий Бискупский тоже с крайним беспокойством говорил своему бывшему наставнику Мелеху:

– Наполеон ведь рядом, а мы не чухаемся.

– Армия Наполеона стоит недалеко от Фридланда[6], – пояснил Мелех, – а это южная окраина Нижней Саксонии. Вот оттуда и жди нападения.

– А мы что же?

[6] Фридланд - ныне город Правдинск Калининградской области России.

– Дождёмся приказа, тогда и увидим перед собой француза! – рассмеялся Мелех.

Первым увидел перед собой французов Бискупский, посланный в разведку, и опешил. Уланы отпрянули назад, а французы так неожиданно и так яростно атаковали основные силы союзной армии, что, не давая опомниться, вдрызг разгромили её и сбросили в реку. Последними переправились через реку уланы Конно-польского полка, которые прикрывали отступление и грозили через реку французам:

– Ну, погодите!

– Мы ещё вам зададим перцу!

– Достанется вам, лягушатники, на орехи!

Когда российский император Александр I получил известие о разгроме союзной армии, то в панике приказал князю Лобанову-Ростовскому срочно ехать во французский лагерь для переговоров о мире. Прусский генерал Калькройт тоже там появился, но Наполеон дал понять, что заключает мир именно с русским императором. В это время Наполеон находился на берегу реки Неман, в городке Тильзите, а русская армия и остатки прусской стояли на другом берегу реки. В лагере русской армии царило полное смятение и беспокойство. Уланы Конно-польского полка роптали, поглядывая на противоположный берег реки, и с ними переживал ротмистр Ксаверий Бискупский, до конца не понимавший сложного положения своего полка.

– Вдруг французы нападут, – беспокоился он, – как будем обороняться, у нас даже пушек нет?

– Вот если бы мы не убежали за реку, тогда и не ждали нападения французов, – подначивал его майор Мелех.

– Теперь-то, что делать?

– Лучше, Ксаверий, чисти свою пику, не то заржавеет! – рассмеялся Мелех.

И вдруг все услышали:

– Мир, Мир!

– Ну вот, очень кстати, – вздохнул с облегчением Мелех. – Передохнём немного.

На следующий день в Тильзите император Александр I присутствовал на смотре французской гвардии. Наполеон ходил с Александром перед строем солдат и, желая иметь союз с Россией, предлагал ему захватить Финляндию, как награду за помощь Франции в её планах. Император Александр со своей ласковой улыбкой, мягкой речью и любезным обхождением соглашался практически со всем, но в трудных вопросах был не сговорчив, как хотелось бы французскому императору.

– Этот, настоящий византиец, – говорил про него Наполеон своим приближённым. – Восточный лис!

Однако император Александр I пошёл на уступки в переговорах относительно судьбы Пруссии и согласился на французские условия. 25 июня 1807 года по старому стилю договор был подписан обоими императорами и звучал он так:

«Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Французский, Король Италийский, Протектор Рейнского союза, одушевляемы равномерным желанием положить конец бедствиям войны, назначили для сего предмета Полномочными Своими:

Со стороны России: князя Александра Куракина и князя Дмитрия Лобанова-Ростовского.

Со стороны Франции: Карла Маврикия Талейрана, князя Беневентского.

По размене взаимных полномочий стороны постановили следующие статьи:

Статья I. Со дня размена ратификаций настоящего Трактата будет между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Императором Французским, Королём Италийским мир и совершенная дружба.

Статья II. С обеих сторон немедленно прекратятся все неприятельские действия, как на суше, так и на море, во всех местах, где получено будет официальное известие о подписании

настоящего трактата. Обе высокие договаривающиеся стороны неукоснительно отправят оное известие с нарочными к обоюдным своим Генералам и Командующим.

Статья III. Все суда военные или иные, принадлежащие одной из договаривающихся сторон или обоюдным их подданным, взятые после подписания настоящего мирного трактата, имеют быть возвращены, или в случае продажи будет заплачено, чего оные стоили.

Статья IV. Его Величество Император Наполеон, из уважения к Его Величеству Императору Всероссийскому и во изъявление искреннего своего желания соединить обе Нации узами доверенности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить Его Величеству Королю Прусскому, Союзнику Его Величества Императора Всероссийского, все те завоёванные страны, города и земли, кои ниже сего означены.

Статья V. Провинции, которые 1 января 1772 года составляли часть прежде бывшего королевства Польского и после того перешли в разные времена во владение Пруссии, поступят в полную собственность и обладание Его Величества короля Саксонского под названием Варшавского герцогства.

Статья VI. Город Данциг[7] с пространством земли на две мили вокруг него имеет быть восстановлен в его независимости под покровительством Их Величеств короля Прусского и короля Саксонского.

Статья IX. Все обязательства между Его Величеством Королём Прусским и прежними владельцами пожизненных должностей и доходов церковных, воинских и гражданских, равно как и обязательства с заимодавцами и пенсионерами прежнего Польского правления, приемлются Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Королём Саксонским в соразмерности их приобретений и будут выполнены в точности без всякого ограничения и исключения.

Статья X. Никто, какого бы он состояния или звания ни был, из имеющих оседлость или собственность в области, предыдущей статьёй означенной, или в провинциях, бывшее Королевство Польское составлявших и возвращаемых ныне Его Величеству Королю Прусскому, или же из людей, живущих в Герцогстве Варшавском, но имеющих в России недвижимые имения, пенсии или доходы, не будет наказан ни лично, ни отобранием от него имений движимых или недвижимых, пенсионов и доходов какого-либо наименования, и не подвергнется ни лишению чинов, ни достоинств, ниже какому-либо взысканию и следствию за участие, какое мог он иметь в настоящую войну по делам военным или политическим».

Это мирный договор обсуждали офицеры русской армии и даже спорили. Удивлялись этому и уланы Конно-Польского полка, которые густой толпой подошли к полковнику Сергею Ланскому, недавно назначенному командиром полка и стали расспрашивать его. Тот, как мог, прояснил ситуацию, уланы опять зашумели, а ротмистр Бискупский спросил:

– Что с континентальной блокадой, ваше высокоблагородие?

– Ну да, – встрял в разговор майор Мелех. – Ведь в договоре ни слова о континентальной блокаде Великобритании.

Тогда полковник Ланской тихо ответил:

– Дело в том, как мне сказали, это положение о континентальной блокаде содержится в секретном союзном договоре, который был заключён параллельно с мирным соглашением.

Глава 7. Обсуждение

В это время Великобритания волновалась и прибывала в полной неизвестности. Она, одержавшая победу над французами в Трафальгардском морском сражении и обеспечившая

[7] Данциг – ныне Гданьск

себе господство на море, трепетала от континентальной блокады[8], предпринятой Наполеоном. И теперь она судорожно искала нейтральные государства, чтобы торговать с ними и уменьшить ущерб от запрета торговли с Европой.

Премьер-министр Его Величества Спенсер Персиваль Роберт Дженкинсон, граф Ливерпуль, развалившись в кресле, непринуждённо общался с министром иностранных дел Джорджем Каннингом. Наконец, сосредоточившись, он с важностью произнёс:

– Итак, подытожим. В 1807-м году Франция и Четвёртая антифранцузская коалиция, куда входила и Россия, заключили Тильзитский мир. По его условиям Россия должна была порвать дипломатические связи с Великобританией - и, разумеется, присоединиться к этой пресловутой континентальной блокаде… Гм-ы, и получить право отвоевать у Швеции Финляндию, и … русские ведь захватят её. А французы присоединили австрийские земли и придвинулись вплотную к границам Российской империи и угрожают ей. Ха, ха! При этом в Тильзите Наполеон лестно отзывался об Александре: «Он чрезвычайно добрый и красивый император, и гораздо умнее, чем все думают». Каково? А?

– Если позволите, достопочтенный премьер-министр, – негромко, но настойчиво произнёс министр иностранных дел Каннинг. – Имею сведения, что между императорами установились… скажем так, дружественные отношения. Это известие вызвало немалую обеспокоенность в Уайтхолле[9]. Мы полагаем, что подобное сближение потребует нашего самого пристального внимания.

– Увы, – с глубоким вздохом произнёс премьер-министр, – после Тильзитского соглашения нам не остаётся иного выбора, кроме как сосредоточить усилия на развитии торговли с нейтральными державами и противодействии континентальной блокаде. Наша первоочередная задача – минимизировать ущерб, нанесённый запретом на торговые сношения с европейскими государствами.

– Между тем, — с едва заметной улыбкой произнёс министр иностранных дел, — до нас дошли сведения, что отношения между императорами начали ухудшаться. Должен признать, сие обстоятельство весьма благоприятно для наших интересов.

– Признаться, я весьма рад слышать это, – кивнул головой премьер-министр.– Императоры, на самом деле, весьма различны по своему складу и устремлениям. Несогласие между ними закономерно и, смею заметить, весьма выгодно для нас.

– О да, – усмехнулся министр иностранных дел, — контраст воистину разителен. Если Александр – дипломат, трепетно прислушивающийся к голосу общественного мнения, и его мягкость, увы, нередко оборачивается слабостью в делах государственных, то Наполеон полная его противоположность. Он амбициозный, прагматичный, готовый на всё ради достижения своей цели. Мне доложили, что Наполеон даже пошёл на подделку наших фунтов стерлингов! И это лишь подтверждает его беспринципность.

– Какая низость! – возмутился премьер-министр. – Следует признать, характер императора Наполеона действительно отличается выраженной импульсивностью и крайней нетерпимостью к любому сопротивлению. Это делает его политику непредсказуемой и оттого особенно опасной для европейского равновесия.

Министр иностранных дел Каннинг торопливо вставил:

– Так что, Наполеон явно неудобен для дальнейших переговоров.

– Доживём до новых переговоров…, – задумчиво произнёс премьер-министр, глядя в окно. – Время покажет, будут ли они? История нас учит, что союзы и соглашения рождаются и рушатся в зависимости от обстоятельств, а наша задача – оставаться бдительными и гибкими.

---

[8] Континентальная блокада - система экономических санкций, введённых Наполеоном I Бонапартом против Великобритании и направленных на пресечение торговых связей между нею и европейскими государствами.

[9] Уайтхолл – общепринятый символ британского правительства и его политики.

Глава 8. Переговоры в Эрфурте

Вопреки прогнозам самоуверенных британцев, переговоры всё же состоялись. В 1808-м году императоры Александр I и Наполеон I встретились в Эрфурте, и вся Европа застыла в ожидании перемен, но переговоры так и не привели к существенному прогрессу. Если Наполеон настаивал на совместных действиях против Австрии, то Александр ловко уклонялся от конкретных обязательств и ссылался на войну со Швецией и Турцией. Во время споров Наполеон так разгневался, что вышел из себя, а Александр мягко, но с достоинством успокоил его:

– Вы вспыльчивы, а я упрям. Гневом от меня ничего не добьётесь!

***

А за туманным проливом Ла-Манш, в сером дождливом Лондоне озабоченный премьер-министр Персиваль возбуждённо говорил министру иностранных дел Джорджу Каннингу:

– Нам нечего ждать от переговоров в Эрфурте, ведь императоры Александр и Наполеон так ни о чём не договорятся.

– Это почему же? – зная ситуацию, министр иностранных дел сделал удивлённое лицо.

– Потому…, – твёрдо ответил Персиваль. – Потому, что разногласия между императорами вышли на первый план, и их отношения серьёзно ухудшились. Они непросто расходятся во мнениях, они обижены друг на друга, что создаёт прекрасную возможность для нашей дипломатии.

– Мы можем использовать это напряжение в своих интересах!

– Конечно, – мотнул головой премьер-министр, – ведь французский император Наполеон захватил владение родственников российского императора Александра I - герцогство Ольденбург, а тот в отместку отказал Наполеону в сватовстве к княжне Анне Павловне. Наполеон уже давно имел «зуб» на русских дворян за то, что они убили его друга императора Павла 1, и что Александр I был по сути дела убийцей своего отца. К тому же Наполеон постарался создать из земель бывшей Речи Посполитой - Великое герцогство Варшавское, и подбивал поляков отобрать у России Белоруссию и Литву, чтобы восстановить Польшу в прежних границах, что естественно не нравилось Александру. Так что эти разногласия никак не разрешить, и поэтому будет война!

– Тогда какой будет наша политика?

– Пока нам необходимо сосредоточиться на поиске экономических средств для борьбы с Наполеоном, и я предлагаю бюджет 1809-го года, который, не вводя новых налогов, предусматривал бы привлечение займов для военных нужд, а дальше видно будет. И я заверю парламент, что правительство будет действовать осмотрительно и решительно, сочетая силу оружия с мудростью дипломатии. Мы не пойдём на унизительные компромиссы с тираном, и будем открыты к честному миру, основанному на взаимном уважении.

Вошёл секретарь и передал пакет премьер-министру Персивалю. Тот нервно сорвал печать с секретного донесения и стал монотонно читать:

«Эрфуртский конгресс прошёл с 27 сентября по 14 октября 1808 года в Эрфурте.

Итоги переговоров между Наполеоном I и Александром I завершились подписанием Эрфуртской союзной конвенции. Документ подписали министры иностранных дел: со стороны России – граф Румянцев, со стороны Франции – Номпер граф де Шампаньи.

1. Конвенция подтвердила и дополнила Тильзитский мир 1807 года. 2. Предусмотрела совместные усилия по достижению мира с Великобританией на условиях, выгодных обеим сторонам в т.ч. признание власти Жозефа I Бонапарта в Испании, а также присоединение к России Великого княжества Финляндского, Молдавского и Валашского княжеств. 3. Закрепила намерение сторон поддерживать территориальную целостность Османской империи,

за исключением территории между Днестром и Дунаем, уже занятой русской армией. Оговорила, что Франция не будет посредничать в русско-турецких переговорах, но в случае их провала окажет России дипломатическую, а при определённых условиях и военную поддержку. 4. Обязала Россию объявить войну Австрии, если та нападёт на Францию».

– Что скажите? – спросил он и посмотрел на министра иностранных дел Каннинга.

– Я считаю, – ответил тот, – это формальное укрепление союза при фактическом отсутствии реального сближения. Несмотря, на демонстрацию дружественных отношений частые встречи императоров, пышные приёмы, театральные постановки, содержательный прогресс в переговорах, по моим источникам, был минимальным. Обе стороны преследовали свои интересы и не были готовы идти на существенные уступки.

– Согласен, – кивнул премьер-министр, – переговоры в Эрфурте завершились подписанием союзного договора, который только на бумаге укреплял франко-русский альянс, а на деле противоречия между императорами сохранялись, и их договорённости вряд ли будут выполняться, и в итоге это приведёт к разрыву отношений и к войне.

– Тогда можно подвести итоги?

– Пожалуй, – с удовлетворением произнёс премьер-министр, – эти противоречия «альянса» весьма благоприятны для нас, и более того, они на благо британской короны, да и война нам не помешает. Ха, ха!

– Смею вас заверить, – спохватился Каннинг, – что Россия уже воюет со Швецией и, похоже, ей придётся отдать Финляндию.

– Эти русские,– скривился премьер-министр, – всегда добиваются, чего хотят!

Глава 9. Присоединение Финляндии

После заключения Тильзитского мира, сразу возник военный конфликт между Российской империей и Швецией за контроль над Финляндией. Швеция, оставаясь союзницей Англии, отказалась закрыть свои порты для британских кораблей. Кроме того, шведский король Густав IV готовился помочь Великобритании в войне с Данией и стремился отвоевать у неё Норвегию. А Россия преследовала свои интересы и стремилась обезопасить Санкт-Петербург от близкого соседства враждебной державы и присоединить Финляндию.

Так в феврале 1808-го года русские войска перешли границу в районе реки Кюмень и захватили крепость Свартхольм, и несколько городов: Борго[10], Гельсингфорс[11] и Або[12], а также Аландские острова. А 16 марта 1808-го года Россия официально объявила войну Швеции, и сразу началась осада крепости Свеаборга. После недолгих переговоров в мае этого же года гарнизон Свеаборга капитулировал, а России достались 110 судов и 2000 орудий. Но упорные шведы, опираясь на британскую помощь, перешли в контрнаступление, и вскоре потеснили русские войска, а шведско-английская эскадра захватила Аландские острова и Готланд. Российское командование перебросило подкрепление, и сразу два корпуса под командованием генерал-лейтенанта Барклая-де-Толли и генерал-майора Раевского в августе 1808-го года в Куортанском сражении разгромили главные силы шведов. Отступающие войска шведов стали преследовать уланы Польского уланского полка, ранее носившего название Конно-польского. Разгорячённые уланы так активно гнали шведов, что те не знали, куда деться от их беспощадных пик, а потому массово сдавались. Впереди всех на своём вороном коне нёсся ротмистр Бискупский и, ловко орудуя своей пикой, колол разбегающихся шведов. Он наметил бежавшего офицера, но неожиданно его вороной споткнулся и стал заваливаться на бок. Бискупский

[10] Борго – ныне Порвоо

[11] Гельсингфорс – ныне Хельсинки.

[12] Або – ныне Турку.

не успел выбраться из-под коня, как на него напал, бежавший от него шведский офицер. Бискупский, морщась от боли, выставил навстречу противнику свою саблю и, кое-как отбил первые удары офицера… но швед оказался ловок и Бискупский понял, что ему несдобровать. Он уже прощался с жизнью, как на шведа наскочил, вернувшийся из атаки, майор Мелех и лихо проткнул его своей пикой.

Он крикнул:

– Садись сзади. Скорее!

И они понеслись вслед за уланами.

После этого боя Мелех, подмигивая Бискупскому, хвастался перед уланами:

– Здорово мы их покололи, а сколько пленных взяли? Множество!

– Славно было, – подтвердил Бискупский, морщась от боли, – но уж больно быстро всё закончилось.

– Для тебя слишком быстро, – хохотнул майор Мелех.

– И не говори, – покачал головой Бискупский. – Такого коня угробили!

– Шведы не так воинственны, как французы, но оставили тебя без коня, – заулыбался Мелех. – Пошли к костру, погреемся. А может в лазарет?

– Нет, нет, и так пройдёт!

К концу этого года под контролем русской армии находилась почти вся Финляндия, а в ноябре начались переговоры о перемирии, но они не привели к успеху. Тогда в марте следующего года 21-я пехотная дивизия генерала от инфантерии Багратиона, двигаясь по замёрзшей воде Ботнического залива, заняла Аландские острова, захватив более двух тысяч шведских солдат, 32 артиллерийских орудия и около 150-ти судов. Буквально через два дня российские военные вышли к берегам Швеции, создав непосредственную угрозу Стокгольму, в котором совсем недавно произошёл государственный переворот. Страну теперь возглавил герцог Карл Сёдерманландский[13], который сразу предложил российскому командованию заключить перемирие. Предложение было принято, но российский император Александр I, стремясь к полному разгрому Швеции, вскоре приказал перемирие отменить, и военные действия продолжились… и вновь успех сопутствовал русским. В этой войне в меру своих сил действовал Польский уланский полк под командование полковника Ланского, но его участие сводилось только к сопровождению длиннющих обозов, а стычек со шведами почти не было. Лишь один раз отличился майор Мелих, который увидев приближающийся отряд неприятеля, видно заблудившийся, поднял тревогу. Уланы быстро загнали шведов в овраг и там они сдались. На привале хромающий Бискупский как-то пожаловался Мелеху, который теперь постоянно опекал его:

– Никакой пользы от нас нет.

– Тебе пока не понять, – стал объяснять майор Мелех. – В силу обстоятельств наш уланский полк не сильно себя проявил, потому что не было простора для наших атак. Поэтому мы, как вспомогательная часть, служим в охране обозов. Но я тебе скажу, что нам скоро предстоит охрана границы. Понял?

– Сидеть на границе тоже скучно. Мне бы в атаку, вот это дело!

– Погоди маленько, и нам скоро достанется!

– И всё равно хочется действий, а тут сплошные разъезды с депешами, да сопровождение обозов, одна тоска!

– Потерпи, будут тебе ещё приключения. Жди!

***

В сентябре 1809-го года между Россией и Швецией был заключён мирный договор, по условиям которого Швеция уступила России Финляндию, Аландские острова и остров Гот-

[13] Герцог Карл Сёдерманландский - будущий король Карл XIII.

ланд. И кроме того, Швеция обязалась присоединиться к континентальной блокаде Великобритании и установить мир с Францией и Данией. Так в результате этой войны Финляндия вошла в состав России, как Великое княжество Финляндское, и все на этом успокоились. Польский уланский полк охранял границы этого княжества, а майор Мелех продолжал наставлять молодого, но слишком бойкого, ротмистра Бискупского.

– Скучное занятие, но что поделаешь? Служба! – философствовал Мелех. – Терпи, Ксаверий, скоро будет дело!

– Я тут проросту как лук, – рассмеялся Бискупский, – А какое дело?

– Не знаю, но чувствую всей своей кожей, будет нам дело, – уверял его Мелех. – Вот увидишь!

И действительно, в следующем 1810-м году Польский уланский полк был выведен из состава пограничной охраны Финляндии и, приписанный к 1-й кавалерийской дивизии, был переброшен в Полоцк, где занимался нудными учениями и манёврами. Затем уже в 1812-м году этот полк под командой полковника Гурьева вошёл в состав 2-го кавалерийского корпуса русской армии. Вскоре полк пополнился новобранцами, которых гоняли строем днями и ночами. Бискупский нервничал и говорил Мелеху:

– Что же мы тут торчим, в Полоцке, когда французы стоят на наших границах?

Полковник Ланской, услышав этот разговор, успокоил их:

– Да ладно, всё будет хорошо, ведь мы с Наполеоном в мире!

А над Россией сгущались тёмные тучи. Страна уже десять лет подряд вела беспрерывные войны то с Турцией, то с Персией или со Швецией. И все эти военные кампании тяжелым бременем ложились на российскую экономику, и главным средством возмещения этих военных расходов была безостановочная работа печатного станка, то есть выпуск всё новых и новых партий российских ассигнаций. Только с началом этого замечательного века их объём удвоился, и общая сумма бумажных российских денег составила около 580-ти миллионов рублей! Французский император Наполеон, прекрасно зная об этом, готовился вторгнуться своей армией в Россию и уже задумал финансовую диверсию с целью разрушить экономику России и забросать её фальшивыми деньгами!

Глава 10. Диверсия Наполеона

В это тревожное время Париж спал, и только в заброшенной вилле по адресу: бульвар Монпарнас, дом №25, таинственно светилось единственное окно. На пустынной улице появился загадочный господин в чёрной маске и, не постучавшись, вошёл в виллу. Незнакомец вальяжно расположился на диване в прихожей и стал ожидать. Он зевнул.

«Очень хорошо, что посол де Коленкур прислал нам образцы российских денежных купюр с оснасткой для их изготовления. Очень вовремя! А значит, настала пора подделать их, как и повелел наш император»,– только подумал незнакомец, как дверь открылась, и он увидел гравера Лалля и типографа Мало.

– Слушаю вас? – с поклоном спросил гравер.

– Вот вам заказ от «Него»! – многозначительно подняв палец, произнёс незнакомец и передал несколько образцов русских ассигнаций.

Гравер посмотрел на типографа, на ассигнации и перевёл глаза на посетителя.

– А подробнее? – тихо попросил он и услышал:

– Вам предстоит изготовить медные штампы для печати фальшивых русских денег. Да, да предстоит «отлить ядра», которыми император расстреляет финансовую систему России, объявленную врагом Франции.

– Как и ранее, – усмехнулся гравер. – Аналогичным образом «Он» пытался подорвать «фальшивками» экономику Австрии, Пруссии, да и Англии тоже.

– Поменьше философствуйте, а пока изучайте русские деньги, остальное будет доставлено позже.

– Что именно? – поинтересовался Мало.

– Это образцы специальных досок, матрицы и пуансоны, – бросил на ходу незнакомец и, не прощаясь, исчез так же быстро, как и вошёл.

– Кто это был?

– Это был начальник отделения министерства полиции Шарль Демаре, – усмехнулся гравер. – Только к чему такая маскировка? Непонятно. Мы же служим в Главном военном управлении, и знаем, что наша работа секретная!

Типограф Мало как-то смутился и спросил:

– Английские фальшивки мы делали, а вот с российскими деньгами, как быть? Узнать бы поподробнее?

– Тогда слушайте, – заулыбался опытный фальшивомонетчик. – Впервые ассигнации в России появились в 1769-м году, и изначально воспринимались как эквивалент медной монеты, то есть разменивались официальными учреждениями только на медь. А вот бумажные деньги образца 1786-го года, задуманные императором Павлом I, теперь в ходу.

– Надо же знать, как печатают в России деньги?

– Как и всюду, – заулыбался гравер. – Их производство делится на несколько последовательных операций. Первая - это изготовление специальной бумаги высокого качества с водяными знаками, в виде надписей, номиналом прописью и изображением четырех царств по углам: Московского, Казанского, Сибирского и Астраханского с нанесением на неё тиснения в виде двух овалов с особыми рисунками и символами торговли, промышленности и военные атрибуты, в правом углу текст «неприступная скала, окруженная бушующим морем». Вторая операция - это печатание единым шрифтом типографского текста вне зависимости от годов и номиналов ассигнаций. А далее проставляются с помощью специальной машины номера, и в завершении готовые ассигнации подписывают от руки молодые чиновники, так называемые «директоры банков», не имевшие никаких других обязанностей.

– Это же, так скучно!

– Такая уж у них служба!

– Так вот, всего существует пять номиналов ассигнаций: 5 рублей на бумаге с оттенками синего цвета, 10 рублей – с оттенками розового цвета, 25, 50 и 100 рублей - на белой бумаге. Что касается курса бумажного рубля к золотому, то он всегда был ниже и если снижался, то плавно, а с уменьшением стопы медной монеты и сейчас резко упал, вплоть до 0,25 процентов золотого рубля.

– Слишком заумно, – проговорил типограф Мало, – и для чего это?

– Не скажи, этот метод борьбы со своими врагами путем изготовления их поддельных денежных знаков, а Наполеон освоил это ранее, и история знает его подделки австрийских и английских денежных знаков. И это дело моих рук!

– Для чего же подделывать российские купюры?

– Цель изготовления фальшивых русских ассигнаций это подрыв кредита России, который парализует содержания российской армии, и в том числе закупок для неё продовольствия и фуража.

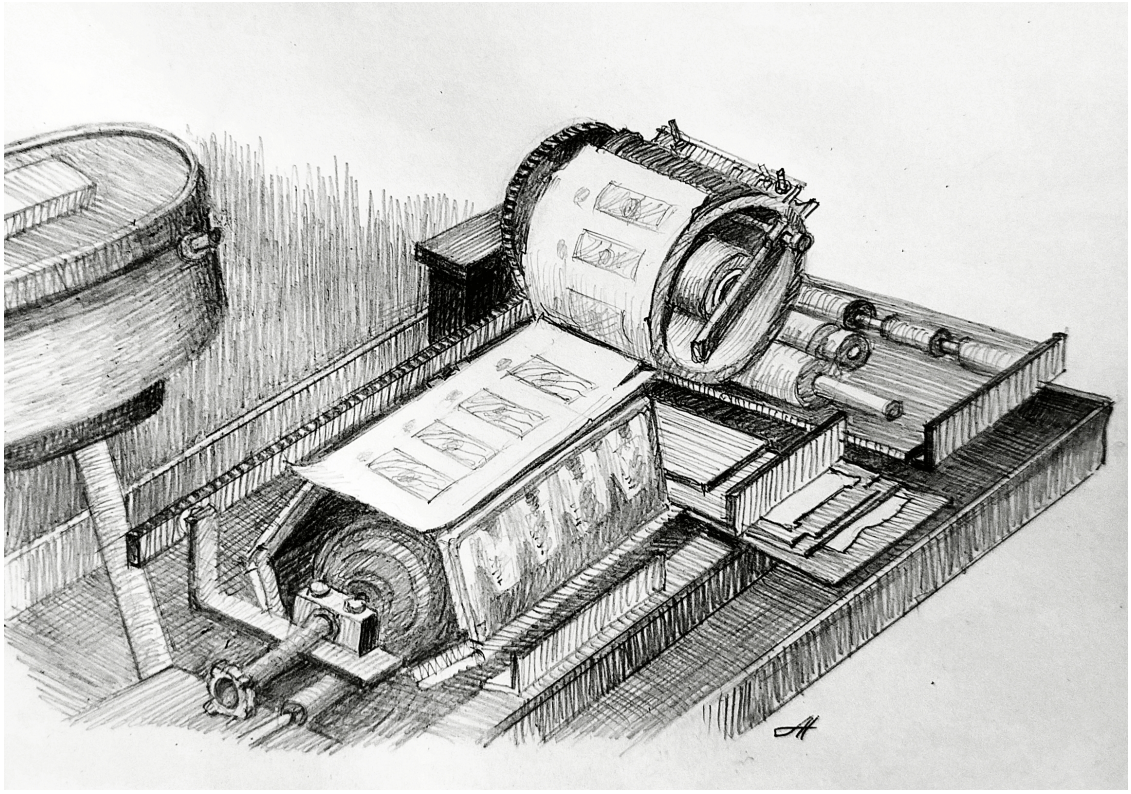
– Что ж разумно!

А гравер Лалль почесал свою бородку и пробормотал, как бы оправдываясь:

– Не моё это дело вникать в цели французского правительства и разбирать причины, побудившие принять подобную меру. Но я думаю это для того, чтобы нанести своим врагам удар, который должен подорвать финансы, парализовать военную силу противника и принудить уважать независимость Франции. Так что работаем!

И сразу дело закрутилось. Директором тайной типографии Наполеона был назначен господин Фен, брат секретаря императора, и там забурлила работа по изготовлению фальшивых ассигнаций России. В помещениях виллы размещались печатные станки, и теперь работа бойко шла на 23 станках для гравирования по меди. А работники и обслуживающий персонал типографии работали взаперти и фактически были на военном положении.

Глава 11. Фальшивки



Печатный станок

О подделке русских ассигнаций знали лишь непосредственные исполнители: талантливый французский гравер Лалль и типограф Мало. Остальные участники процесса получали лишь распоряжения от начальника отделения министерства полиции Шарля Демаре и не знали, в чём заключается окончательное дело, потому что их работа была разбита на части. Так словолитчик получал от художников гравированные буквы, цифры, виньетки и составлял так называемую доску. Затем типограф занимался тиснением... и простановкой подписей чиновников печатью, и не от руки, как у российских…

– Отчего так? – удивлялся типограф Мало. – Ведь распознают подделку?

– Это сам Наполеон лично приказал выпустить в обращение фальшивые русские банковые билеты 1812-го года с подписями на них не чернильными, как у русских, а типографскими.

– И всё же, не понятно, для чего это?

– Для удобства распознавания купюр впоследствии, видимо, уже после победы над Россией.

– Какой предусмотрительный наш император – хмыкнул типограф Мало.

А директор типографии Фэн, делая отчёт, хвастал перед начальником отделения министерства полиции Шарлем Демаре:

– «Наполеоновки» настолько искусно выполнены, что даже превосходят русские подлинники, и большинство французов, использовавшие эти ассигнации, даже не догадываются об их не подлинности.

– Ближе к отчёту, господин директор, – прервал его Демаре.

И директор типографии торопливо зачитал концовку отчёта:

« … Массовое производство российских купюр началось в апреле 1812 года. За эти месяцы работы секретной денежной лаборатории было награвировано более 700 медных досок, так как предполагалось изготовить большое число оттисков …».

«Браво, какой я молодец, – ухмыляясь, подумал Шарль Демаре, – Хе, хе! Какое дельце раскрутил, оно явно тянет на орден!»

Так что подготовка французов к вторжению в Россию, в том числе и в экономической сфере, была на полном ходу. Уже весной тайная типография была предусмотрительно переведена в Варшаву - это Наполеон позаботился о том, чтобы «денежный станок» всегда был во время похода при нём… Уже с мая месяца Россия была наводнена множеством фальшивых ассигнаций, значительная часть которых была завезена в Россию агентами Наполеона Бонапарта, и над страной навис финансово-экономический кризис. Российский император Александр I тут же получил донесение министра финансов Гурьева: *«…Прошу соизволения направить чиновника Ассигнационного банка для наблюдения в Риге и по сухопутной границе до Радзивиллова за появлением фальшивых ассигнаций из-за границы».* В следующих сводках министр уведомлял императора: *«… По имеющимся у меня агентурным данным французы выпустили в Варшаве, через посредство Дюка де Бассано и какого-то банкира Френкеля, до двадцати миллионов рублей ассигнациями достоинствами в 25, 50 и 100 рублей. В связи с этим прошу разрешения усилить строжайший надзор на таможнях и по сухопутной границе, чтобы точнее разведать через кого, и в какие места разосланы фальшивые ассигнации...»*

После этого император Александр I вызвал министра финансов Гурьева и велел ему прояснить ситуацию. Гурьев доложил:

– По некоторым сведениям, ловкие дельцы уже стали распространять «наполеоновки» как среди помещиков, так и среди офицеров российских войск.

– Что? – вскипел император Александр I и повелел:

– Фальшивомонетчиков отловить и сослать в Сибирь! «Наполеоновки» у офицеров и помещиков изъять, и главное, печатный станок отыскать и уничтожить!

Гурьев вскочил исполнять … и услышал:

– Остановитесь, – крикнул император. – Подготовьте доклад о том, как британцы справляются со своими фальшивыми стерлингами, и вообще, что они думают о континентальной блокаде?

– Слушаю, ваше Величество! – отчеканил Гурьев, а сам подумал: «Дело тёмное, а ноги растут от французов, но как это доказать, вот в чём вопрос? Конечно, они по указке Наполеона делают фальшивые российские купюры и английские стерлинги… И чего они там думают, на своём острове?»

Глава 12. Великобритания в ожидании

С июня 1812-го года политику Великобритании стал определять премьер-министр Роберт Банкс Дженкинсон, 2-й граф Ливерпуль, который сменил Спенсера Персиваля, убитого в мае 1812 года. Обсуждая непростую международную обстановку в стране, он на очередном заседании парламента с гордостью докладывал:

– После Тильзитского мира Великобритания сохранила активную антифранцузскую политику в противостоянии с Наполеоном, а Спенсер Персиваль сыграл ключевую роль в финансировании войны и укреплении позиций страны. Почтим его памятью!

Минута молчания закончилась, и премьер-министр Дженкинсон продолжил:

– Господа, противоречия между императорами Александром и Наполеоном достигли пика, ведь Россия открыто отказалась от континентальной блокады. И поэтому Наполеон скоро начнёт войну с Россией, и положит конец своим личным симпатиям к русским.

– Скорей бы, – заметил министр иностранных дел Роберт Стюарт, виконт Каслри, – ведь уже собрана «Великая армия» со всей Европы, и кого только там нет!

– Кстати, замечу, что Наполеон не гнушается ничем, – ухмыльнулся премьер-министр Дженкинсон. – Мало того, что наводнил фальшивыми стерлингами нашу Британскую державу, так он ещё сделал ловкий ход, и гордые испанцы оказались у него на службе.

– Как это? – переспросил Каслри.

– А так, этот корсиканец в 1807-м году добился согласия испанского короля Фердинанда VII на пропуск своих войск в Португалию, и французы тут же наводнили Испанию. Хитрый Наполеон пошёл дальше и потребовал направить испанскую дивизию на балтийское побережье, которая войдёт в состав корпуса маршала Бернадотта и будет расквартирована в Дании.

– Это ещё для чего?

– Для охраны от английского флота.

– Да, ловкий корсиканец! – удивился министр иностранных дел.

– А дальше, совсем просто, сразу последовало отречение Фердинанда VII и провозглашение королем Испании Жозефа Бонапарта, брата Наполеона… Но неожиданно в 1808-м году на всей территории Испании разыгралось восстание против захватчиков.

– Знаем, что это закончилось ничем, – ухмыльнулся военный министр граф Батерст.

Премьер заулыбался:

– Повстанцы были окружены и разоружены французскими войсками, а так как они отказались присягнуть королю Жозефу Бонапарту, то были оправлены в лагерь для военнопленных под Гамбургом.

– Какова же их судьба? – полюбопытствовал граф Батерст.

– Наполеон раструбил на всю Европу, что его «Великая армия» будет многонациональной, а так как Испания считается союзным государством, то большинство военнопленных испанцев в принудительном порядке были зачислены в состав испанского полка имени Жозефа. Так то!

Глава 13. Испанцы короля Жозефа

К весне 1812-го года Наполеон завершал подготовку «Великой армии» к вторжению в Россию, сосредоточив на её границах около 640 тысяч солдат, причем французы составляли лишь половину армии, а другая её часть была собрана из народов Европы - итальянцев, немцев, поляков, испанцев, австрийцев и хорват. Из пленных испанцев был сформирован полк под командованием испанского короля Жозефа, который, ожидая приказа, готовился к походу в Россию. Но поскольку в полку многие испанцы оказались против собственной воли, то французское командование не испытывало к ним большого доверия, и относилось пренебрежительно, а офицеры с солдатами вообще потешались над ними.

– Куда этих «жозефитов» денешь, разве что овец пасти перед русскими, – издевались они и смеялись до коликов. – Ха, ха, ха!

Испанцы злились и искали случая отомстить им, и стремились куда-нибудь сбежать, но французы, приставленные к ним, были начеку. Они не давали испанцам никакого шанса скрыться и продолжали потешаться над ними:

– И бежать «испанской сволочи» некуда, разве только к овцам.

– Или ближе, ха, ха, к навозу!

Именно поэтому полк короля Жозефа развели по разным соединениям: два батальона вошли в 1-й армейский корпус, а другие два влились в 4-й корпус. Командиром полка был назначен французский офицер, полковник Жан-Батист де Чуди, его заместителем был также француз Жан-Батист Дорей. А вот командирами батальонов были назначены испанские офицеры: Хосе Сансо, Алехандро О'Доннелл, Рамон Дюсер и Рафаэль де Льянса. Они верили в свою удачу, но с опаской думали о предстоящем походе в Россию.

Часть вторая. Война

Глава 1. Вторжение

10 июня 1812-го года по старому стилю[14] французский посол Лористон передал главе МИД России князю Салтыкову ноту, в которой было заявлено, что отныне французский император начал войну с Россией. А днём раньше 11-го июня авангардные части «Великой армии»

[14] Старый стиль - Григорианский календарь был введён ещё в 1582 году папой Григорием XIII в католических странах. В России переход с юлианского календаря (старый стиль) на григорианский (новый стиль) произошёл в 1918 году.

Наполеона I Бонапарта без всякого объявления войны начали форсировать реку Неман. Российский император Александр I попытался уладить возникшую ситуацию и послал на переговоры к Бонапарту министра полиции Балашова. Но французский император отказался от переговоров, потому что авангардные части «Великой армии» легко продвигались по российской земле, и поэтому он, издеваясь, спросил Балашова:

– Подскажите, как удобнее пойти на Москву?

Балашов ответил коротко:

– Шведский король Карл XII шёл на Москву через Полтаву.

– Учту, – ответил Наполеон, – но я пойду прямо на Москву!

Отправив Балашова обратно, император Наполеон собрал военный совет, на котором был краток.

– Маршалы, вспомните «Аустерлиц», «уроки Фридланда», – произнёс Наполеон, глядя каждому в глаза, – настал час, когда от вас зависит судьба Франции. Россия отвергла континентальную блокаду, бросила нам вызов и теперь должна быть наказана. Я рассчитываю на ваш талант, вашу храбрость, вашу славу! Разгромите русскую армию, возьмите Москву – и ваши имена войдут в историю, как имена победителей! Франция ждёт от вас подвига, и я знаю, что вы его совершите!

– Vive l'Empereur![15] – выкрикнул маршал Мюрат, вскинув руку. Маршалы подхватили возглас, застучали саблями по полу и зааплодировали.

12 июня 1812-го года в 6 часов утра «Великая армия» французского императора Наполеона Бонапарта форсировала реку Неман и вторглась на территорию Российской империи. В обозе этой армии тайно следовали 34 фургона, загруженные поддельными российскими ассигнациями. Этими деньгами Наполеон планировал расплачиваться с армией за еду, жилье, и готов был непрестанно печатать новые и новые подделки, чтобы насытить свою огромную армию.

***

В это тревожное время император Александр I подписал Манифест о начале войны с Французской империей, в котором призвал людей из всех сословий защитить веру, свободу и Отечество, и пообещал, что не сложит оружие, пока не победит всех врагов на территории русской земли. Манифест читали всенародно и верили в русскую армию, хотя «Великая армия» Наполеона значительно превосходила российскую как в живой силе, так и в оружии. В российской армии состояло около 622-х тысяч солдат, в том числе 380 тысяч пехоты, 80 тысяч кавалерии, 52 тысячи артиллерии и инженерных войск, 110 тысяч нерегулярной конницы, но была разделена на четыре части. В неё входили: 1-я Западная армия под командованием Барклая-де-Толли; 2-я Западная армия под командованием Багратиона; 3-я Западная армия под командованием Тормасова и Дунайская армия под командованием Чичагова. В начале войны против «Великой армии» Наполеона действовали только две разобщённые армии, 1-я и 2-я Западные. И поэтому, назначенный главнокомандующим этих армий генерал от инфантерии Барклай-де-Толли, собрал военный совет армии и велел:

– Начать планомерный отвод войск вглубь страны для их дальнейшего соединения

– Как же так?

– Не перебивать меня господа офицеры! И приказываю, сопровождать отступление русских армий арьергардными боями, и этим изматывать противника. Господа офицеры, нельзя допустить, чтобы Наполеон разбил обе армии поодиночке, поэтому будем стремиться к их соединению.

Главнокомандующий прошёлся по палатке и остановился.

---

[15] Vive l'Empereur! – Да здравствует Император!

– Господа офицеры, – начал он, – я испытываю озабоченность по поводу лояльности Польского уланского полка русской армии, и объясню почему. В армии Наполеона в походе на Москву активно участвуют польские уланские полки, Вислинский легион и другие, и их контакты в военных действиях могут повлиять на настроения улан Польского уланского полка русской армии. Ведь этот полк комплектовался уроженцами польских губерний, присоединённых к Российской империи после раздела Речи Посполитой. Ваше мнение, господа?

Начальник штаба генерал-майор Ермолов встал и высказал свою точку зрения:

– Польский уланский полк укомплектован польским дворянством, сохранившим лояльность Российской империи и давно уже присягнувшим на верность российскому императору, и поэтому у меня нет никаких сомнений не доверять этому полку.

– И всё же, я бы не рисковал, а отправил полк в тыл! – вскричал генерал-квартирмейстер Толь, – ведь наших поляков могут переманить.

Ермолов встал и предложил:

– Тогда я предлагаю этот полк включить в состав 2-го кавалерийского корпуса Корфа и пусть он неустанно следит за ним.

– Согласен, – ответил Баркай-де-Толли. – Что ещё?

– Мы не решили главный вопрос, – раскричались офицеры. – Да, да, мы требуем генерального сражения!

– Вот соберём две армии в кулак, тогда и будем думать о генеральном сражении с Наполеоном! – резко оборвал их Барклай-де-Толли, и на этом закончил совет.

Вскоре и Российский генералитет потребовал от главнокомандующего генерального сражения, соединив две армии в районе Витебска, но наступление Наполеона было настолько стремительным, что войска генерала от инфантерии Багратиона не успели выйти к Витебску, и тогда Барклай-де-Толли решил отступать к Смоленску и там дать генеральное сражение французам объединёнными силами двух армий.

Глава 2. Испанцы в походе

В то самое время испанский полк короля Жозефа шел за огромным обозом в хвосте наполеоновской армии, переправился через Неман и вступил на территорию России. Голодные испанцы уже проклинали тот день, когда они согласились воевать вместе с Наполеоном, обещавшим им золотые горы в Москве. Командир батальона капитан Рафаэль де Льянса, как мог, успокаивал своих солдат:

– Испанцы, если бы вы отказались идти в поход, то сгнили бы в лагере для военнопленных, а так привезёте из России что-нибудь ценное.

Но испанцы всё равно шептались, и Льянса уже сильно опасался за свой батальон и переживал: «Как бы не сбежали мои земляки?»

Под вечер у колонны испанцев появился французский полковник Жан-Батист де Чуди и приказал по-французски:

– Installer le camp![16]

– На привал, – сразу послышалась команда капитана Льянсы. – Разбить бивак и расположиться! Живо!

Испанцы засуетились и быстро разбили палатки, а капитан Льянса, забравшись в свою походную палатку, подумал: «Хорошо, вытянуть ноги после трудов праведных». Несмотря на усталость с дороги, он заставил себя достать дневник и стал убористо описывать увиденное:

«С рассветом перед нашими глазами предстала впечатляющая картина. В этом месте сходились несколько дорог, по которым прибыли все французские войска, насчитывающие при-

[16] Installer le camp! – Ставить лагерь!

мерно 300 тыс. человек, 100 тыс. лошадей, 1500 артиллерийских орудий и образовавшие неисчислимый поток. День обещал быть замечательным. Трудно выразить то потрясающее впечатление, которое вызывало это множество людей и лошадей, собранных и построенных в колонны на этих обширных полях, торжественная тишина и удивительный порядок. Через Неман было наведено три моста: по одному проходила пехота, по другому - кавалерия, а по третьему - артиллерия и интендантские повозки. По другую сторону реки лежала русская территория. Поля и леса, казалось, были погружены в печаль и ужас. Не было видно ни человека, ни животного - все скрылись в лесах, надеясь спастись от многотысячного людского вала, обуянного яростным желанием грабежа, насилия, истребления».

И действительно земли, прилегающие к реке Неман, были безлюдными, а дальше тянулись территории, населенные поляками, которые встречали наполеоновскую армию с большим энтузиазмом. И капитан Льянса постарался это объяснить в своём дневнике:

«В выпущенном французами манифесте, говорилось, что французская армия подняла оружие против русских тиранов - угнетателей Польши, чтобы восстановить там гражданские права и свободы, что население Литвы рассматривает французскую армию как армию освободителей и как силу, призванную разбить цепи рабства, в которые его заковали русские варвары. Каждый, кто прочел бы этот манифест, а потом увидел разграбленные дома и деревни, перебитый скот, уничтоженные поля и узнал, что французский император дал своим солдатам разрешение на грабеж, поскольку с момента вступления на русскую территорию прекратились выплаты содержания и выдачи рационов и поэтому солдаты, чтобы выжить, должны были грабить, - по меньшей мере, рассмеялся бы над этим манифестом. Эта свобода воровства стала причиной чудовищного беспорядка, невиданного ни в какой другой армии, поскольку солдаты оставляли свои ряды, чтобы грабить дома и местечки в окрестностях дорог, по которым шла армия».

Конечно, Наполеон не отдавал приказа о грабеже населения, ведь выдачи рационов в наступающей армии не прекращались, хотя и были нерегулярными, но солдаты разносили слухи о вседозволенности. Когда же подвоз продовольствия был нарушен, то тогда началось «самоснабжение» войск на вражеской территории, которое стало обычным делом и не считалось грабежом. Обозы с продовольствием отставали, и солдаты французской армии голодали, и следствием этого стало небывалое падение дисциплины среди солдат и возникло обыкновенное мародерство.

Капитан Льянса, не уставая негодовать, упомянул об этом в дневнике:

«Армия двигалась быстрыми и длинными маршами, поэтому отделившиеся для добычи пропитания солдаты, уже не могли вернуться в свои подразделения даже тогда, когда еще хотели вернуться. Это обстоятельство заставляло их для спасения своих жизней объединяться в группы, чтобы грабить деревни, затем эти группы объединялись между собой для защиты награбленного добра...»

– Брось писать, только душу себе травишь, – сказал вошедший в палатку командир батальона Хосе Сансо. – лучше давай выпьем!

Капитан Рафаэль Льянса продолжал негодовать:

– Неужели ты не видишь? Армия постоянно уменьшается, а ты: «Давай выпьем!» Дизентерия наносит армии жуткий урон, и нашим солдатам, которые не могут идти, остаётся только лежать под деревьями, где болезнь и голод прекратят их существование. Это же катастрофа!

– Что вы хотите, сеньор Льянса? – спокойно парировал Хосе Сансо, наливая вино. – В любой военной кампании от болезней и лишений умирало в несколько раз больше солдат, чем на поле боя, а поход в Россию, вот увидишь, окажется намного тяжелее, чем цифра маршевых потерь.

Капитан Льянса, продолжая писать, опять возмутился:

– Подожди ты со своим вином! Сразу после вторжения в Россию из испанского полка началось дезертирство. Вы же знаете, синьор Сансо, есть сведения, что уже при переходе через реку Неман были расстреляны пять испанцев. Дезертирство теперь имеет повальный характер, потому что испанцы ненавидят Наполеона, хотя и вынуждены идти с ним в Россию...

– Что это, патриотический долг перед родиной, истерзанной Наполеоном? – театрально воскликнул Санчо.

– Возможно и так, – покачал головой Льянса. – Сегодня была попытка наших солдат сдаться в плен русским. Что их ожидает? Расстрел!

– Испанцы убегают, – подтвердил Сансо, – их ловят, а они снова бегут, и будут бежать от такой службы!

Глава 3. Беглецы

К вечеру поручик 2-го эскадрона Гродненского гусарского полка русской армии Антоновский привёл пленных иностранцев и доложил начальству:

– Ваше высокоблагородие, к полудню наши удалые гродненцы притащили человек 200 всякого сброда, в том числе и несколько гишпанцев с офицером. Они добровольно передались в наши руки и говорят, что взяты в плен в делах Гишпании, и Наполеон якобы, под угрозой смертной казни принудил их служить во французской службе...

Полковник Ридер сурово посмотрел на гишпанцев:

– Ну, сказывайте, бестии. А ты, Антоновский, переводи, их язык мне не понятен.

Испанцы стали рассказывать:

– Вошедши в Россию, все мы искали случая передаться к вам, но многие из товарищей сильно ошибались. Они не зная, что здешний край населен жителями, которые не расположены к русским, спрашивали их проводить к русским войскам, а они провожали их к французским, и таким образом многие из нас были расстреляны. Наконец, мы сами нашли русских и вот предстали перед вами.

– Что скажет гишпанский офицер? – сурово спросил полковник.

– Этот испанец говорит, что местные жители весьма дружественно и с необыкновенным уважением принимают французов, называя их своими избавителями от России,– лихо перевёл поручик Антоновский.

– Эти поляки мечтают о прежнем своём величии.

– О чём, о чём? – переспросил переводчик.

– О Речи Посполитой! Вот о чём они мечтают! – распалился полковник Ридер и, успокоившись, велел. – Накорми этих испанцев, а я доложу куда надо!

Сам же полковник Ридер вдруг вспомнил:

– Говоришь, поляки любуются французами? На это я так скажу: у меня есть приятель, полковник Гурьев, так он командует Польским уланским полком, в котором служит много поляков, присягнувших российской державе. Так что бывают разные поляки! Понятно вам, поручик Антоновский?

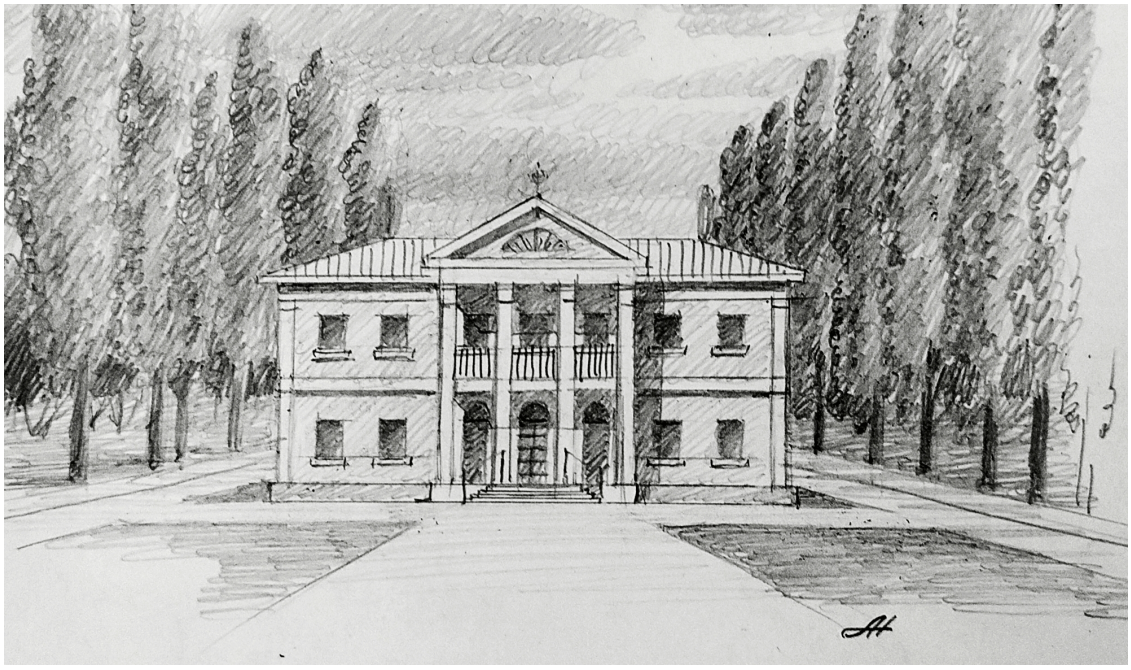
В конце июня 1812-го года уланы Польского уланского полка прибыли с маневров в свой палаточный лагерь, который располагался недалеко от Полоцка, и командир этого полка, полковник Гурьев, не зная ещё, что началась война с французами, призвал к себе ротмистра Бискупского.

– Твой отец велит тебе жениться! – хохотнул полковник, показывая письмо-прошение. – А я позволяю! Только одна нога там, другая здесь. Понял?

Бискупский как-то замялся.

– Что не хочется жениться? – расхохотался полковник. – По себе знаю, каково это, но раз батя велит, значит надо! Всё, езжай в усадьбу Броневских!

Глава 4. Усадьба Броневских



Дом Броневских

Барская Россия безмятежно расслабилась и даже не предполагала о надвигающей войне. Дремала и усадьба Броневских, живописно расположившаяся рядом с деревней Маньково в Смоленской губернии. Здесь среди живописных прудов был построен небольшой усадебный дом в классических архитектурных формах, украшенный чудесной лепниной. Красивый парадный портик с колоннами увлекал гостей внутрь дома, и предлагал подняться по чугунной лестнице наверх на второй этаж... Пока в доме было тихо, как вдруг засуетились слуги и из женских покоев по этой лестнице, шелестя своим праздничным платьем, неторопливо спустилась хозяйка усадьбы Серафима Алексеевна, жена недавно умершего гвардии прапорщика в отставке Богдана Михайловича Броневского. В распоряжении этой помещицы, было немного немало, аж 732-е десятины земли, из которых 160 десятин были пахотными, 432-е десятины занимали леса и 97 десятин луга. Сад площадью около 9-ти десятин был отведён под выращивание яблонь, всеми любимой «антоновки». В имении также имелись: питомник, винокуренный завод, мукомольная водяная мельница, пасека на 20 ульев. Здесь разводили лошадей местной породы и крупный рогатый скот. В общем, в усадьбе всего было вдоволь, но вдова Серафима Алексеевна болела туберкулёзом и часто лечилась заграницей, куда ездила с дочерью Марией. Вернувшись, она совсем разболелась и стала беспокоиться о судьбах своих родных детях, среди которых была и Дарья, дочь покойного мужа. Но к своему стыду, Серафима Алексеевна поздно заметила, как за границей её дочь Мария увлеклась каким-то несносным французом, и поэтому она быстро договорилась со своим знакомым Бискупским поскорее выдать замуж дочку за его племянника. Она призвала к себе Семёна Михайловича Броневского - племянника умершего мужа, который взял на себя заботу о детях, и с нетерпением ждала долгожданных сватов. С ней всегда был рядом Семён Михайлович, градоначальник Феодосии и тоже переживал и думал,

но о своём. «Как там, в Феодосии? – беспокоился он. – Как там без меня борются с эпидемией чумы?»

Глава 5. Сватовство

И вот, жарким летом 1812-го года на дороге показался экипаж, запряженный двумя лошадьми, который сопровождал всадник в мундире улана. Это ехал на игривом коне молодой ротмистр Польского уланского полка Ксаверий Бискупский, а в экипаже тряслись сваты: его крёстный дядя и сваха. Она-то с подачи дядюшки, за глаза, и сосватала Бискупского. А Ксаверий ехал и переживал: «Как же быть с Варварой Белогрудовой? Ведь я влюблён в неё и обещал жениться, а теперь мать заставляет меня свататься к богатой Марии Броневской, и всё из-за наследства теперь уже покойного отца, будь оно неладно».

Эта процессия отправилась из села Подолянка Харьковской губернии в богатую усадьбу с деревней Маньково Краснинского уезда Смоленской губернии для помолвки. А под портиком господского дома, прибывших гостей, радушно встретила хозяйка поместья Серафима Алексеевна. С ней стоял Семён Михайлович Броневский, который обняв вдову, ласково шепнул ей на ушко:

– Ну, теперь спокойна твоя душенька, милая Серафима Алексеевна?

– Пока не поженятся, не успокоюсь, – тихо ответила она, добавив, – и жаль, что у жениха осталась лишь больная матушка…

– Жаль … – подтвердил Семён Михайлович.

– Зато, – улыбнулась она. – Мария будет хозяйкой богатого поместья.

– Вот и хорошо!

А тем временем сваха, трижды прочитав молитву, попросила хозяйку:

– Пусти Христа ради, погреться!

– Прошу вас! Входите.

Родственники невесты стали усаживать жениха и сватов за стол, и с разговорами стали угощать вином. Вскоре привели невесту Марию, которая преподнесла жениху рюмку местного вина. Ксаверий Бискупский, взглянув на невесту, подумал: «Молодец крёстный, подобрал мне красивую невесту!» и залпом выпил. Затем он торопливо подал рюмку вина невесте, и та, заглядевшись на него, тоже подумала: «А ведь неплох мой жених!» и тоже выпила вино. Потом, она стала разносить вино всем родственникам, присутствующим за столом.

Стол ломился от обильных закусок. Гости загремели столовыми приборами, а слуги неустанно подносили новые и новые блюда. Ротмистр Бискупский знал, что Броневский играл заметную роль в Краснинском уезде, и был градоначальником Феодосии и, увидев его добродушие, успокоился и стал с ним любезно обсуждать дела в Европе. За столом Ксаверий ухаживал за Марией и, с удовольствием поглядывая на неё, подумывал: «Хороша моя невеста, нет слов!». Потом перевёл свой взгляд на её матушку и покачал головой: «Надо же, к сговору всё готово и стол накрыт, всё предусмотрела её мать. Впрочем, наши матери давно уже всё оговорили, и я женюсь и всё тут, иначе не видать мне наследства». Мать Марии, переглядываясь с Семёном Михайловичем, тоже радовалась, ведь всё задуманное сбывается. «Вот и хорошо, вот и ладненько! – радовалась она. – А то ишь, Мария удумала выскочить замуж за француза, фу, за какого-то католика! Ну, уж нет, сыграем свадьбу, и забудет она своего французика!»

Выпив и закусив, все притихли и на этом, кажется, своды закончились, но сговор продолжился до тех пор, пока не договорились о приданом невесты. Затем родственники жениха и невесты ударили по рукам и тем самым закрепили договор о браке.

– Теперь, Мария, ты считаешься просватанной невестой! – объявила сваха, и все захлопали в ладоши.

А званый обед с обильными закусками и вином продолжался. Слуги суетились, меняли блюда … И тут непоседливая Мария предложила пойти на речку и покататься на лодках. Было душно в гостиной, и поэтому все дружно поддержали эту славную идею, и пошли на речку освежиться, и там под деревьями продолжить обед на траве.

Гости расположились на берегу речки в тени под раскидистыми вётлами и, зевая, слушали рассказы, а молодёжь уже отчалила на лодках от берега и пустилась наперегонки. И вдруг случилось несчастье. Дарья, младшая сестра Марии, встала в лодке, и, не удержавшись в ней, упала в воду. Быстрые воды понесли её по течению, а она, барахтаясь, отчаянно закричала:

– Спасите! Я не умею плавать!

На этот крик первым с соседней лодки прыгнул в воду Ксаверий Бикупский и успел подхватить тонущую девочку. Когда Дарья схватилась за своего спасителя, то сразу успокоилась. Она прижалась к нему всем телом, и Ксаверий почувствовал её молоденькие груди. Дрожь пробежала по нему, а он, подгребая одной рукой к берегу, никак не мог успокоиться. «Как же приятно почувствовать её девичьи груди, – думал он, – какие они нежные ..., но о чём я думаю, ведь она ещё ребёнок». Так они в обнимку кое-как добрались до спасительного берега. Прибежавшие слуги вместе с Ксаверием еле-еле откачали Дарью, а она с благодарностью прошептала:

– Я обожаю вас, мой спаситель!

Прибежали гости, а за ними вдова Серафима Алексеевна с Семёном Михайловичем. Узнав, что с падчерицей Дарьей всё хорошо, вдова велела слугам нести её в спальню, а Семёну Михайловичу велела:

– Поезжай за доктором!

Праздник был испорчен, и Мария, испуганно посмотрев на Ксаверия, попросила отложить гулянье.

– Конечно, отложим, дорогая! – согласился Бискупский.

И тут неожиданно появился офицер с уланами и тот, не слезая с лошади, объявил:

– Война!

Слуги подали коня, и ротмистр Бискупский, попрощавшись, вскочил в седло и помчался с уланами в свой родной Польский уланский полк. Обернувшись, он крикнул:

– Мария Богдановна, после войны поженимся! Жди!

Глава 6. Бой у Кочергишек

Не успел ротмистр Бискупский прибыть в свой Польский уланский полк, как сразу попал на глаза командиру полка полковнику Гурьеву:

– Женился? – навис над ним полковник.

– Что вы, Алексей Иванович, не успел.

– Тогда в строй, – гаркнул полковник. – Выступаем!

– Стой! – остановил его Гурьев. – Теперь мы входим в состав 1-й Западной армии и приданы 2-му резервному кавалерийскому корпусу под командованием генерал-майора барона Корфа. Понял? Пока нам командование доверяет!

– От чего же? – удивился Бискупский.

И услышал в ответ доводы полковника:

– А от того, что в армии Наполеона против нас воюют одураченные поляки, твои земляки.

Уланы построились в колонны обычным конным строем в затылок друг другу, и отправились на соединение к отступающим русских войскам.

Бискупский был на подъёме, ведь его ждали новые приключения, и он уже рвался в бой. В своих грёзах, он даже не заметил, как подъехал полковник Гурьев, и, увидев его, поинтересовался:

– Алексей Иванович, значит, французы всё же напали?

– Да, и уже идут бои, – ответил полковник. – Военные действия начались фактически ещё до вторжения «Великой армии» в Россию. 4 июня недалеко от Гродно французы со своего берега реки Лососьны обстреляли российских таможенников на посту Томашевской таможенной дистанции и пост Донского казачьего 3-го полка. А после вторжения пошли уже полноценные боевые столкновения, причём ежедневные.

– И мы отступаем?

– Да, Бискупский, драпаем, – ответил полковник Гурьев и тихо спросил: – Слушай, как же ты будешь воевать с поляками, со своими земляками?

И услышал откровение ротмистра:

– Моё отношение к соотечественникам, воюющим на стороне Наполеона, самое болезненное. Это же классическая трагедия «братоубийственного раскола» нации, правда, разделённая присягой!

– Понял, – обрадовался Гурьев, – значит, мы вместе будем бить наполеоновских солдат, то бишь, французов, немцев, австрийцев кого угодно и поляков тоже!

Лицо Бискупского посветлело.

– Я присягу российскому императору не променяю на лживые обещания Наполеона о независимости! – торжественно заявил он и опять спросил:

– Значит, отступаем, Алексей Иванович?

– Отступаем, ротмистр, и огрызаемся, – ответил Гурьев. – В штабе нам зачитали рапорт о действиях полков под командованием генерал-майора графа Орлова-Денисова. Вот он: *«На рассвете, 16 июня 1812-го года, выдержал сильную неприятельскую атаку, отступил до города Вильно, нанося неприятелю на каждом шагу значительный вред. Пред Вильно удерживал несколько часов занять город силившегося неприятеля, потом, по приказанию оставя оный, прикрывал отступление нашей армии. По занятии города отражал несколько раз на большой дороге атаковавшего отряд неприятеля, обращая оного при всяком разе в бегство, при чём взяты в плен много разных чинов и командовавший дивизионом французских гусар полковник граф Сегюр …».*

– Кто такой?

– Взятый в плен полковник Сегюр, сказывали, брат бригадного генерала и адъютанта Наполеона графа Филиппа-Поля де Сегюра. Вот так! – пояснил полковник Гурьев и поскакал вдоль колонны. Уланы ехали конным строем и тихо переговаривались между собой, а ротмистр Бискупский с хитринкой поинтересовался:

– Что, отступают наши? Как же так?

– А так, – ответил седой капрал, поравнявшись с ротмистром, – навалилась на нас огромная армия Наполеона, вот мы и удираем!

– И что теперь? – встрял в разговор молоденький улан и услышал:

– Нашему полку велено быть в арьергарде.

– Зачем? – опять удивился молоденький уланчик. – И почему наш полк?

– А потому, что наш уланский полк входит в состав арьергарда барона Корфа и будет прикрывать его тыл, иначе французы окружат, – разъяснил капрал.

– Не понял?

– Что не понял, – разгорячился капрал. – Арьергард барона Корфа прикрывает отступающую 1-ю Западную армию, а наш полк прикрывает тыл Корфа. Теперь понял?

– Вот и разобрались, а то …понял - не понял, грамотный какой.

Тем временем Польский уланский полк полковника Гурьева, оглядываясь по сторонам, осторожно шёл позади основного арьергарда барона Корфа и пока без особых сложностей. Наступило утро 23 июня 1812 года по старому стилю, когда полк Гурьева прошёл деревню Кочергишки. Вдруг Гурьев, что-то почувствовав, послал улан на разведку, и они в рассыпном строю помчались на холмы. Вскоре разведчики вернулись и доложили:

– Видели французский отряд, небольшой такой.

И сразу прозвучал приказ Гурьева:

– В атаку!

Трубач вскинул трубу, дважды пронзительно протрубил сигнал атаки, и уланы в сомкнутом строю, колено в колено, равнение, как по линейке, мощно разом атаковали. Сначала они ринулись шагом, затем рысью, а на дистанции около 100 шагов перешли на галоп, готовясь к ударам пиками. Когда французы заметили атаку, то от неожиданности опешили, сразу расстроили свои порядки и рассыпались в разные стороны. А русские уланы преследовали их, и, не зная пощады, своими пиками доставали запаниковавшего неприятеля. Они даже сумели захватить в плен француза, совсем безусого мальчика, который сквозь слёзы мужественно молчал, когда его связанного, уланы уносили с поля боя. Победа было бы полной, если бы неожиданно из-за холмов не выскочила свежая французская конница, и разрозненные уланы уже не смогли дать отпор, многие были порублены, а остальные бросились наутёк. Когда несколько потрёпанный Польский уланский полк прибыл в расположение арьергарда барона Корфа, то взъерошенный полковник Гурьев понуро доложил:

– Обнаруженный французский конный отряд разбит, но мой полк был неожиданно атакован, как говорит пленный, французской бригадой лёгкой кавалерии генерала Сюберви.

– И что? – округлил свои глаза барон Корф.

– Пришлось возвращаться, – смутился полковник, – но докладываю, что за нами движется бригада Сюберви.

– Утешил, – хмыкнул барон Корф и приказал. – Вперёд, ребята, опрокинем этих французиков.

В этом бою ротмистр Бискупский храбро повёл своих улан в атаку, и смело врубился в самую гущу французских улан. Он приметил какого-то важного офицера и пикой сбил его с коня, но не заметил другого французского улана, который бросил свою пику и угодил ему в ногу. Несмотря на жуткую боль, Бискупский изловчился и проколол француза насквозь. Тут прозвучал сигнал трубы, и он крикнул своим уланам:

–Отходим, братцы, отходим!

Так арьергард барона Корфа неожиданно наткнулся на крупные силы французов, и он приказал отступить за реку Дисну. Переправу через реку опять прикрывал полк Гурьева, уланы которого после нескольких схваток с французами, последними стали переправляться через Дисну. Бискупский хотя и получил ранение в ногу, но держался молодцом, а рана на ноге кровоточила… Подъехавшие уланы хотели перевязать её, но Бискупский велел не отвлекаться.

– Когда все переправимся через реку, тогда и перевяжите ногу, а сейчас недосуг. Вон два француза спешат к нам в гости. Встречайте их пиками!

– Вот, вот, так их! – похвалил Бискупский, – а теперь вплавь на тот берег, иначе влипнем!

Собравшись на противоположном берегу Дисны, уланы возбуждённо обсуждали произошедшее:

– Жаль упустили …

– Да уж, упустили победу! – сняв свою рогатывку[17], сокрушался ротмистр Бискупский, пока уланы перевязывали ему раненную ногу.

– А кто знал, что за отрядом идёт другой и больно крупный?

– Кто, кто? – перебил его седой улан, – если бы разведка заметила второй отряд, то бы всё повернулось по-другому.

– Нечего нюни распускать! Надо бить французов, но и смотреть в оба, – поправил их подъехавший командир Гурьев и, увидев раненого Бискупского, хохотнул:

---

[17] Рогатывка - головной убор улан, который не только служил элементом униформы, но и выполнял защитную функцию. Его козырёк был окован латунной дугой, а в бляхи вшивали бамбуковые стебли для защиты от сабельных ударов.

– Какой молодец! Что царапнули тебя французики?

– Пустяки!

– До свадьбы заживёт! – рассмеялись уланы, заканчивая перевязку.

А Бискупский подумал: «У меня то, как раз свадьба не удалась, а может это и к лучшему!»

Гурьев ещё раз хохотнул и приказал:

– Строиться! Колонной, обычным строем, вперёд! Следовать за Корфом!

– Так, отступая, можно и Смоленск отдать, – проворчал седой улан, поглаживая холку своего коня. – А как хочется вдарить по французам, и как следует! Нет никого терпения!

– Терпи, начальству виднее, – заметил другой улан.

– Терпи, терпи, – передразнил его Бискупский и уверенно выкрикнул. – Вот соединяться русские армии, тогда и дадим бой!

Тут штабной офицер призвал полковника Гурьева в походный штаб, где озабоченный барон Корф собрал офицеров и посвятил в жуткую тайну:

– Читаю, господа офицеры: *«28 июня 1812 года у деревни Голубичи, Дисненский уезд Минской губернии вооружённые крестьяне напали на следовавший в Полоцк войсковой транспорт 1-й Западной армии и отбили повозки с казёнными вещами Рыльского пехотного, Каргопольского и Московского драгунских полков…».*

Корф сделал паузу и взвизгнул:

– И поэтому, господа офицеры, приказываю усилить охрану наших полковых обозов, чтобы не было подобной оказии. Все поняли!

– Но почему? – возмущались офицеры. – Ведь крестьяне ограбили обоз русской армии. Где это видано?

Барон Корф пожал плечами:

– Похоже, крестьяне так озлобились разорением своих хозяйств, что теперь нападают на все попавшиеся под руку обозы.

– Да уж, их патриотизм на лицо, – пробормотал Гурьев.

Барон Корф рассмеялся и, посмотрев с явным подозрением, приказал. – Вот вы, господин полковник, и пошлите своих улан охранять полковой обоз. И своего Бискупского туда же! Ха, ха!

В ответ полковник Гурьев козырнул, а сам подумал: «Зря в армии относятся к офицерам из Польского уланского полка со скрытым подозрением, опасаясь их измены или ухода к польским уланам Понятовского, а мой полк с честью сражается наравне с русскими. И в штабе вряд ли подпишут приказ о повышении в звании польского шляхтича Бискупского, а надо бы… Вот и Корф туда же - отправляет меня с Бискупским охранять обоз».

Глава 7. Нападения мужиков

В июле 1812-го года командующий русской армии генерал от кавалерии Тормасов приказал генерал-адъютанту графу Ламберту совершить дерзкий партизанский рейд через границу в Варшавское герцогство. Они захватили город Грубешов, а 13 июля другой отряд армии Тормасова под командованием генерал-майора князя Щербатова ворвался в Брест-Литовск и уничтожил два саксонских эскадрона. Затем Щербатов, по приказу Тормасова, стал готовиться к походу на Кобрин и, получив секретные рапорты, стал вчитываться в эти бумаги. «Какая гнусность!» – прочитав, подумал он, и так сильно расстроился, что разорался на своих штабных офицеров, которые разрешали солдатам обирать местных крестьян.

– Видно потому нас не очень принимает западно-русское крестьянство, – с раздражением продолжал он выговаривать, – ежели мы сами занимаемся грабежом!

– Есть-то ведь что-то надобно, – оправдывались офицеры, – наши обозы с продовольствием вечно опаздывают.

Щербатов тяжко вздохнул.

– Но война есть война, и она несёт разорение всем вокруг, – произнёс он, и решил не посвящать своих боевых офицеров в эти гнусные рапорты, а сам ещё раз перечитал их:

«9 июля воинская команда Белостокского внутреннего гарнизонного батальона в составе пяти унтер-офицеров и шести рядовых под началом прапорщика Долянского сопровождала транспорт с хирургическими инструментами и аптекарскими припасами из Полоцка в Невель. Но в деревне Томчино, принадлежавшей помещику Кушелеву, на транспорт напала толпа «мужиков, называющих себя язовитцами», и захватила его, пленив и команду. Однако на пути в деревню Юрьевичи мародёры наткнулись на команду поручика Томского пехотного полка Марковича и разбежались, бросив транспорт и пленных».

«10 июля из деревни Гончаровки Дрисского уезда в Полоцк под охраной семи унтер-офицеров и 18 рядовых под началом поручика Гнилокишкова вышел транспорт 40-го егерского полка – 30 подвод с сухарями и крупой. В 12 часов дня возле деревни Кацеле, что в 18 вёрстах от Полоцка, транспорт был захвачен вооружёнными крестьянами, которые убили и взяли в плен двух унтер-офицеров и пять солдат».

«12 июля вооружённые крестьяне помещика Лопатина напали на воинский транспорт с перевязочными материалами, медикаментами и хирургическими инструментами, следовавший из Себежа в Витебск, были захвачены все лошади этого транспорта».

Прочитав эти рапорты, генерал-майор Щербатов вдруг вспомнил о своих крепостных крестьянах, брошенных на произвол судьбы, и так расстроился, что кликнул ординарца.

– Неси вина, – прорычал Щербаков. – Буду пить за моих разорённых крестьян, лишившихся всего!

Глава 8. Успех при Кобрине

С начала войны австрийцы прикрывали правый фланг Наполеона и разместили гарнизоны вдоль границы с Белоруссией по линии Брест-Кобрин-Пинск протяжённостью где-то в 170 вёрст. Поначалу русские и австрийцы только наблюдали друг за другом, не вступая в бои, и ограничивались лишь хитрыми манёврами. 14 июля по старому юлианскому календарю генерал от кавалерии Тормасов получил предписание от военного министра Барклая-де-Толли, в котором было распоряжение императора Александра I: *«…Собрав вверенную вам армию, сделайте движение вперёд и решительно действуйте во фланг и тыл неприятельских сил, устремлённых против князя Багратиона, который взял направление своё на Слуцк к Бобруйску; неприятель же, переправясь у Бреста, следует к Пинску».*

В это время Наполеон решил сделать перестановку войск. Он отзывал австрийцев на главное направление удара, и приказал 7-му саксонскому корпусу генерала Ренье численностью 17 тысяч солдат переправиться в Волынскую губернию. При этом Наполеон, положившись на данные своей военной разведки, которая доложила, что численность 3-й армии Тормасова насчитывала лишь 9 тысяч рекрутов, приказал Ренье: *«… Согласно плану, вести активные военные действия. Тормасов ничтожен перед Вами, у него остатки трёх батальонов, плохие рекруты, негодные в деле… Обстоятельства дел таковы, что мы угрожаем Москве и Петербургу, и когда же тут думать Тормасову о наступательных действиях с его жалкими войсками…».*

Наполеон желал завершить молниеносную кампанию, в которой задумал разбить в генеральном сражении Западные армии русских и заставить царя просить мир и, конечно, сильно ошибался. Тормасов неожиданно атаковал и как раз в тот момент, когда австрийцы отвели свои войска, а саксонцы ещё не заняли полностью оборонительную линию, ведь сначала по плану Наполеона должен был взят Брест, а потом Кобрин, но пошло всё не так как хотелось корсиканцу …

Тормасов оставил пять драгунских полков для охраны границ России со стороны союзного Наполеону Варшавского Герцогства, а сам стянул все воинские силы к Ковелю, разделив армию на пять частей. Отряд генерал-лейтенанта Сакена прикрывал тыл, оставаясь в Луцке, а основные силы под командованием Тормасова двинулись по южной дороге к Кобрину. Отряд генерал-майора Ламберта в составе двух егерских и двух кавалерийских полков был послан к Бресту, а отряд генерал-майора Щербатова в составе двух кавалерийских полков тоже послан к Бресту, но с другого направления. Генерал Щербатов занял Брест, выбив из города два вражеских эскадрона корпуса Ренье. Одновременно с этим генерал Мелиссино вытеснил отряд саксонцев из Пинска, который находился недалеко от Бреста. Сам же Ренье с главными французскими силами находился возле Янова, примерно посередине между Кобрином и Пинском, и был в некоторой растерянности, не в силах определить направление главного удара русских и их численность.

Кобрин, это небольшой городок с населением около 2 тысяч жителей, который находился на юго-западе Белоруссии на берегах реки Мухавец, западного притока Буга и был занят 5-тысячной саксонской бригадой генерал-майора Кленгеля.

15 июля 1812-го года лишь только забрезжил рассвет, как русский авангард вышел к белорусскому городу Кобрину. Сразу конница Ламберта атаковала противника и сбила вражеский заслон на дороге, но саксонцы отошли и закрепились в зданиях города. Тогда генерал Чаплиц обошёл Кобрин с востока и отрезал противнику отступление на Городец, где находился корпус Ренье, а основные силы Ламберта вновь атаковали противника. Саксонцы были в отчаянии и сразу, побросав оружие, стали сдаваться. В результате этого боя российские войска захватили в плен командующего саксонской бригадой генерал-майора Кленгеля, 3-х полковников, 63-и человека из числа штаб-офицеров и офицеров, 2234-х человек из числа унтер-офицеров и рядовых, а победителям достались 8 пушек и 4 знамени. Сражение принесло русской армии первый крупный успех на поле боя, но Наполеон вовремя прислал подкрепление, и русским пришлось снова отступить.

Полковник Гурьев получил известие от Корфа и, читая его, очень расстроился.

– Как жаль, – вскричал Гурьев, – что мы не были с Ламбертом в деле при Кобрине.

– Конечно, жаль, что нас держали в резерве, а то бы наши пики успешнее сабель поорудовали в этом бою, – поддержал его, подъехавший Бискупский, а сам подумал: «Жаль, что нам начальство не доверяет - я свою честь офицера не уроню!»

Гурьев как-будто прочитал его мысли и заверил:

– Но Корф уверял, что у нас будет настоящее дело, только бы не сорвалось!

– Будем надеяться! – обрадовался Бискупский.

– А русские войска у Кобрина одержали первую крупную победу, – ещё раз читая донесение, нахваливал Гурьев. – Корф пишет, что саксонцы понесли огромные потери, включая генерала Кленгеля и трёх полковников, много офицеров и нижних чина попали в плен, а ещё было захвачено четыре знамени и восемь орудий. Русские войска, сообщает Корф, потеряли 77 солдат убитыми и 182 ранеными. Вот так надо умело воевать!

– Так и надо бить, этих наглых французов! – заулыбался Бискупский. – Эх, сейчас бы на коня и в атаку!

– И пойдём, – поддержал Гурьев, – с пиками на врага!

Император Александр I, восхищённый этой победой, сразу же по получении рапорта наградил Александра Тормасова орденом Святого Георгия II класса, а майора Никиту Избаша орденом Святого Георгия IV класса, который, командуя 13-м егерским полком, опрокинул штыками колонну врага, ворвался в город, овладел пятью орудиями, и пленил коменданта города и 600 человек.

Вот этот указ №43:

«Высочайший именной указ его императорского величества Александра I

Правительствующему Сенату.

В изъявление монаршего Нашего благоволения к доблестным подвигам генерал от кавалерии Александра Петровича Тормасова, командовавшего 3-й Западной обсервационной армией,

Повелеваем:

За блистательное поражение неприятеля в сражении при Кобрине 27 июля 1812 года, где войска под его начальством разгромили саксонскую бригаду 22-й пехотной дивизии под командованием генерала Кленгеля, взяли в плен самого генерала, 76 офицеров и 2382 нижних чина, а также захватили 4 знамени и 8 орудий, —

Наградить означенного генерала от кавалерии Тормасова орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса (№ 43 по списку кавалеров), яко награду, достойную его мужества, искусства в управлении войсками и верности Отечеству.

Сверх того, в знак особливого Нашего внимания к его заслугам и принимая во внимание, что состояние его не весьма избыточно, назначить ему единовременно пятьдесят тысяч рублей из сумм Государственного казначейства.

Повелеваем Правительствующему Сенату сей Наш указ обнародовать во всеобщее известие.

Дан в Санкт-Петербурге, 28 июля 1812 года.

Александр».

Помимо Тормасова, были награждены и другие участники боя: граф Ламберт получил саблю, украшенную алмазами, с надписью «За храбрость»; князь Мадатов - алмазные знаки ордена Святой Анны 2-й степени и другие офицеры.

Глава 9. Спаситель Петербурга

Так за первые 89 дней войны с Наполеоном произошло около 270-ти боевых столкновений, начиная от перестрелок, до мелких и более-менее крупных сражений. 1-й Отдельный пехотный корпус генерал-лейтенанта Витгенштейна, прикрывающий Петербургское направление, остановил войска маршала Удино и разгромил его авангард.

А было это так. Бой произошёл у деревни Клястицы[18].

Против генерал-лейтенанта Витгенштейна, имевшего около 17 тысяч солдат и 84 орудия, действовал корпус маршала Никола Шарля Удино, насчитывавший 28 тысяч солдат и 114 орудий. Витгенштейн удачно использовал растянутость коммуникаций противника и активно наносил удары в уязвимых местах. В ходе боёв авангард под командованием генерала Кульнева попал в засаду, но основные силы Витгенштейна разбили французский отряд генерала Вердье. И поэтому Удино был вынужден отступить за Западную Двину, оставив укреплённый Полоцк.

16 июля по старому стилю три конных полка французов, а это 12 эскадронов, были неожиданно атакованы четырьмя эскадронами Гродненского гусарского полка под командованием генерал-майора Кульнева и пятью сотнями казаков. Несмотря на численное превосходство, французская кавалерия была опрокинута и спешно отхлынула.

17 июля маршал Удино занял деревню Клястицы, 18 июля русский авангард под командованием Кульнева, имевший 3700 всадников и 12 полевых орудий, столкнулся с французским авангардом возле деревни Якубово. Витгенштейн велел Кульневу вытеснить неприятельский конный отряд из леса и приблизиться к Якубово, но с прибытием французской пехоты сам был атакован. В ходе боя на помощь французам из Клястиц подошла дивизия генерала Вердье, а к Кульневу пришли на помощь два егерских полка и артиллерийская рота. Вскоре наступила ночь.

---

[18] Деревня Клястицы - ныне Россонский район Витебской области, Беларусь, на дороге между Полоцком и Себежем.

19 июля Витгенштейн возобновил наступление, а Удино двинул свои резервы: частью против центра русских войск, частью в обход их левого фланга. Огнём артиллерии русские части отразили натиск французов и контратакой отбросили их к Клястицам. Попытки отступавшего противника организовать оборону сначала на правом берегу реки Ница, а затем и на её левом берегу успеха не имели. Русская кавалерия стала переправляться через реку вброд, угрожая обходом правому флангу французов, которые начали отступать и оставили Клястицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.